

JUILLET

LES COSAQUES LIBRES

VIII[e] ANNEE

178-179

ИЮЛЬ

ЛИПЕНЬ

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

РІК ВИДАННЯ 8-ий

Ю. Пигон

Почтовый ящик

Чехия. П. С. — Очень хорошо на Ваш вопрос ответил Ваш теперешний единомышленник г. С. Балыков в одной ненапечатанной, но сохранившейся рукописи на тему: «Работа, баклушничество и вредительство», написанной им в начале 1933 г. как раз по поводу некоторых выступлений тогдашних оппозиционеров. Вот заключительная часть его статьи:

...«И ВК, несмотря на ответственность и жизненную остроту поставленной цели как для отдельных его членов, так и для всего Казачества, не избежало наличия в его семье положительных и отрицательных элементов. Не все вольные казаки оказались способными и готовыми к дисциплинированному самоограничению, к посильной жертвенной работе, не все оказались на высоте требования сознательного, волевого человеческого коллектива. — Не говоря уже об умышленно будирующих нашу семью, тайно враждебных, провокаторских элементах, обманным путем втиравшихся к нам, не говоря о лицах, находящихся в плену личного безоглядного эгоизма, ради возможности первенствования в семье готовых погубить всю работу и исключить даже возможность достижения общей цели, приходится с грустью констатировать, что у нас оказались и люди которые просто не умеют разбираться в том, что такое положительная работа в политическом движении, что такое баклушничество и что является вредительством в отношении исповедуемой им идеи. — Печально в этом явлении то, что оно наблюдается именно в той части вольноказачьей семьи, которая может претендовать на высокое и ответственное звание национальной интеллигенции. — Чтобы не обижать людей, не заслуживших по своему адресу таких горестных замечаний, нахожу нужным конкретизировать это положение, указав, что мои мысли почти всецело, относятся к вольным казакам в Чехии вообще, в особенности в Праге. — Печальность этого положения усугубляется еще тем, что эти замечания в значительной степени могут быть без греха отнесены в отношении молодой интеллигенции. — Во все времена, во всех национально освободительных движениях самым жертвенным и самым активным элементом, закваской, являлась молодая, национальная интеллигенция. Совсем не случайно, что легионы Гарибальди, Христо Ботева, Пилсудского, Кемаля были пронизаны живой силой, кипучей энергии молодой национальной интеллигенции. Она именно являлась в качестве духовных дрожжей в освободительном движении. Младотурецкое движение не даром так названо. — А вот с казачьим национальным движением происходит нечто непонятное. Если бы вольноказачье движение не имело духовных корней в толще народа и отметалось бы молодой интеллигенцией, разговорам и недоумениям не было бы места. Это значило бы, что идея каздачьей самостоятельности чужда Казачеству. Но этого нет. Вольноказачье движение воспринято народной массой, им захвачена и молодая казачья интеллигенция и при том наиболее творчески способная часть. Но дальше начинается путаница. Одни, делая логические шаги из своего убеждения, смело и без оглядки работают как могут, посильно помогая развитию и защите вольноказачьего течения, готовясь к еще более ответственным задачам; другие, проще выражаясь, бьют политические баклуши, а иные от этого состояния переходят к шагам, направленным к явному вредительству в отношении своей идеи. — Чтобы каждый вольный казак, как в Праге, так и вообще, определил свое поведение, искренно и честно попытаюсь я определить, что такое положительная работа, что есть политическое баклушничество, а что — вредительство. — Тот вольный казак, который на том или ином посту, честно и без претензий работает, отдает свой досуг и свою способность служению ВК идее, кто принимает устное или печатное участие в пропаганде или защите нашей идеи солидарно с работающим центром, есть уже положительный работник вольноказачьей семьи. — Тот же, кто из-за тех или иных несогласий с товарищами по второстепенным, частным или, что еще хуже, даже личным вопросам, отказывается от содействия своей работающей части, что называется, ни пальцем ни мозгом не шевелит — (тот) политический баклушник, т. е. бьет баклуши, когда существующая обстановка сознательному человеку этого не позволяет. — Тот же, кто из баклушнического состояния переходит к шагам, ведущим к торможению развития работы, кто из-за мелочных счетов и второстепенных вопросов пытается разрушить достигнутые с трудом результаты, кто свою деятельность, за неспособностью к более серьезным работам, сводит к беспочвенной критике своей работающей части, то отдает свой досуг собиранию уличных сплетень, сенсационных слухов и их пережевыванием и смакованием вкупе со своими идейными противниками, тот вредитель в отношении исповедуемой им национальной идеи. — Последние два печальные состояния поправимы, если человек по молодости или по политической неопытности допускал это несознательно. Непоправимо и плохо, если эти люди делают это сознательно, из корыстных соображений и личных счетов. Постыдно вредительство со стороны тех, кто являются игрушкой в руках отдельных, активных честолюбцев, а может быть и тайных врагов. — Вольноказачий работающий центр, с честолюбивыми поползновениями разных карьеристов и их помощников считаться не может. Слишком дорого ему стоили прошедшие пять лет, слишком много пота и нервов уложено, чтобы достигнуть тех успехов, которых Вольное Казачество внутри и во вне достигло за это время, чтобы по желанию кучки бездельников начинать все сначала, стерев сделанное. — Те, кто с ним не согласны, пусть делают сами, что они могут; пусть не претендуют они на готовое. Единственно, чтобы я пожелал им, это — направить свои силы на положительную работу, хотя бы помимо центра, а не базироваться в своей работе только на мелочной критике работы центра. — Пусть каждый вольный казак выбирает себе по совести, что ему по душе: баклушничество, вредительство или посильную положительную работу в пользу своей национально - освободительной идеи. Пусть каждый спокойно подумает о сегодняшнем положении своего народа и честно решит — время ли бить баклуши или стараться точить фундамент того здания, воздвигнуть которое он считает необходимым».

— Так писал г. Балыков о своих сегодняшних сотрудниках. Что он с ними делает сегодня — бьет баклуши или вредительствует, решайте сами — Думаю, что на этом можем кончить нашу переписку по затронутым Вами вопросам. Бывайте здоровы...

Ош. А И. — Получено. Привет.
Варшава. С. Б. — Получено. Привет.
Болгария. Н. К. — Ответ — письмом. Привет.
Каир. Н. — Высылается. Привет.
Галац. А. Б. — Ответ — письмом. Привет.
Клевелянд. Г. Н. — Получено. Исполнено. Привет.
Югославия. Н. Е. Д. — Высылается. Привет.
Дордонь. П. С. — Получено. Привет.
Крезо. Г. — Получено. Привет.
Новый Сад. П. Н. — Будет помещено в следующем номере. Привет.

Смедерево. И. С. — Фотография будет помещена в следующем номере. Привет.

Россия — наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: **инж. И. А. Билый**

Редакция и администрация: **10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)**

№ 178-179 *Июль 1935. — Липень 1935.* № 178-179

Походный Атаман ВК
Инж. И. А. БИЛЫЙ

К казачьим патриотам

I.

Братья вольные казаки! Большой Круг ВК не мог быть созван по независящим от всех нас обстоятельствам. По предложению Окружного правления Югославского ВК Округа созыв Большого Круга заменен был созывом ВК Кругов или С'ездов по странам для разрешения основных вопросов, поставленных на повестку несостоявшегося Б. Круга ВК.

Такие Круги и С'езды в большинстве стран уже состоялись и в настоящем номере журнала я публикую сводку принятых ими главнейших решений.

Эти решения еще раз указывают нам конечную цель ВК движения и создают основы для жизни и деятельности вольных казаков и организации будущей борьбы за осуществление нашей программы.

Распубликовывая эти решения свободной воли казачьей, одновременно я обращаюсь ко всем казачьим патриотам с горячим призывом еще теснее сплотить свои ряды около Казачьего Освободительного Знамени.

Поставив меня во главе своего националььно - освободительного движения, вольные казаки поставили передо мною величайшую задачу Казачьего Настоящего и возложили на меня тягчайшую ответственность за успех или неуспех ее решения.

Считая, что никто из казаков - националистов не имеет права уклоняться от исполнения своего долга перед своей порабощенной ныне Родиной и отказываться от каких бы то ни было заданий, стоящих перед всеми нами на пути к достижению конечных целей программы ВК, я принял избрание меня на пост Походного Атамана ВК.

Как сказал я уже ВК Кругу во Франции, так повторяю сейчас и всем вольным казакам:

Долг свой я исполню. Потребую и от всех вас исполнения долга вашего. Ставя передо мною большую задачу и возлагая на меня большую ответственность за ее исполнение, вы сами тоже не можете уйти от участия в ее разрешении, как не можете снять с себя и ответственности за то или иное ее решение. Действовать будем вместе и отвечать за все тоже будем вместе.

Впереди у нас много работы и предстоит нам большая и серьезная борьба. Она потребует много сил моральных и материальных. Рассчитывать же и ставить наверняка можем только на силы свои. Поэтому — нужно заранее собирать казачьи силы, нужно сейчас уже концентрировать их и, главное, нужно будет хорошо использовать их. Это возможно будет только при жертвенности каждого вольного казака, верности и преданности раз принятой программе и при высоком уровне дисциплины всех вместе и каждого из нас в отдельности.

Вся наша жизнь должна принадлежать нашему Делу. Это Дело — теперь дело уже всего Казачества, его настоящего и будущего.

Я знаю, что оно велико. Я знаю, что оно потребует много и больших жертв. Я знаю, что путь наш труден и тернист, но и я и вы также знаем, что

Цель наша тоже велика и что она для нас выше всякой иной цели.

Мы поставили себе эту цель и должны достигнуть ее. Этого требует от нас и наш долг перед нашими братьями, томящимися под красным игом. Этого требует от нас страждущая Казачья Земля, ждущая избавления от московских оккупантов. К этой цели ведет нас и наше собственное страстное желание обрести вновь свою Землю и свою Родину.

Пусть же перед всеми нами — всегда впереди! — лучезарным маяком горит для нас единая для всех нас Цель — *Казакия.* А вечный девиз наш — *Казачья Воля!*

II.

Обращаюсь и ко всем тем казачьим общественным и политическим деятелям, кто, считая себя самостийником, оставался до сих пор вне рядов организованого казачьего национально освободительного движения. — Оставаясь и впредь в одиночестве, будучи распыленными или создавая свои небольшие группы и занимаясь, по существу, политической партизанщиной, вы, в действительности, тратите свои силы без большой пользы для общего казачьего дела. Не могут выиграть одновременно несколько движений, несколько программ. Выиграет та программа, которая наилучшим образом отвечает национальным интересам Казачества. Победит то движение, в котором соберется большинство казачьих патриотов. Такое большинство политически активных, национально сознательных последователей и защитников казачьей национальной программы уже об'единились около ВК знамени. Остальным остается или растрачивать и дальше свои силы в разброд, или увеличивать силы одного большого и серьезного движения.

Я и зову всех, у кого мои настоящие слова найдут отклик, в ряды ВК.

Казачеству нужны сейчас не раз'единенные и распыленные слабые силы, а силы, об'единенные в один мощный кулак. Ему нужны не несколько неопределенно-слабых, а одно сильное национально освободительное движение.

Только одна программа, одна политика и одно возглавление для всего Казачества, — об'единенного и организованного — в состоянии и способны будут разрешить Казачий Вопрос так, как разрешить его должно.

Вас, кому в душе своей и совести не нужно делать большой ломки, чтобы признать программу ВК и своей программой, я и призываю стать рядом с теми, кто уже идет к единственно спасительной казачьей цели — к Казакии. — Стать и идти дальше вместе одним Казачьим Шляхом...

Глубоко верю, что тот, в ком бьется казачье сердце, тот в конце концов услышит этот мой призыв.

Долой оккупантов!

Да здравствует Казакия!

Слава Казачеству!

Походный Атаман ВК инж. *И. Билый*

Решения ВК Кругов и С'ездов вольных казаков

состоявшихся в промежуток времени: с 28 апреля по 17 июня 1935 г. взамен несостоявшегося Большого Круга ВК:

1.

ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ВК:

А. ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ:

Программа — задача ВК движения одна:

Спасение Казачества и обеспечение ему исторического будущего в своем самостоятельном государстве *Казакии.*

1. *Первая часть этой задачи:*

Национальное пробуждение, национальное возрождение Казачества здесь и там;
формулировка казачьей национально - освободительной программы (решение Казачьего вопроса);
собирание и организация казачьих национальных сил для осуществления второй и третьей части в. казачьей программы.

2. *Вторая часть той же задачи:*

Борьба за освобождение всех Земель Казачьих Войск: Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Яицкого и Оренбургского и Земель Калмыцкого и других степных или горских народов, живущих между или на территориях перечисленных выше Казачьих Войск (Краев, Областей) из под власти и государственной зависимости СССР и РСФСР или их возможного наследника (или наследников).

3. *Третья часть задачи ВК движения:*

Образование самостоятельного казачьего государства *Казакии,* как федерации перечисленных выше казачьих Войск и Народов, обеспечивающей самобытность каждому Войску (Краю, Области) и гарантирующей сильную организацию самого государства и центральной (федеральной) власти.

Федеральные единицы — Штаты (Войска, Края, Области) окончательно установит Конституция Казакии, т. е. первый Верховный Круг Казакии. До этого таковыми будут считаться шесть перечисленных выше Казачьих Войск (Краев, Областей) и Калмыцкая область.

Бывшая Черноморская губерния возвращается Кубанскому Войску.

Что же касается Ставропольской губернии, то она может образовать самостоятельный штат или, по соглашению с соседними Казачьими Войсками, войти в состав сих последних.

Оставляя первому Верховному Кругу Казакии решение вопросов, касающихся государственного устройства Казачьей Федерации, мы считаем, что уже первый Верховный Круг должен быть созван не только от казачьего, но и от всего иного коренного населения Казачьих Земель — станичного, аульного, сельского и городского, которое примет казачью освободительную программу и будет активно бороться наравне с казаками за ее осуществление.

Представительства на первом Верховном Круге не получат те, кто будет бороться против казачьей освободительной программы.

Под коренным населением Казачьих Земель,

кроме казаков, горцев и калмыков, мы считаем бывших крестьян и иногородних, а равно и горожан, постоянно живших на территории Казачьих Войск (Краев, Областей) до 1919 года и приписанных к какому нибудь городскому, станичному, сельскому или иному обществу.

Этим самым перечисленные выше категории населения «натурализуются», т. е. становятся равноправными гражданами казачьего государства.

Все пришельцы и переселенцы в Казачьи Края времени Казачье-большевицкой войны 1917-1920 г. г. и всего последующего периода советской оккупации будут рассматриваться как иностранцы.

В национальном вопросе мы признаем принцип равенства основных национальностей Казакии в области национального и культурного развития.

Поставленную выше задачу - программу В. Казачество хочет решить так, чтобы:

1. Обеспечить государственное строительство Казакии в интересах народов ее населяющих и желающих развития и процветания Казачьего Государства.
2. Обеспечить на будущее время защиту Казакии от всякого нападения извне.
3. Обеспечить развитие казачьей нации (в политическо - государственном смысле) в своем казачьем государстве.

В. ЧАСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ:

Территорию будущего казачьего государства — Казакии — должны составить Земли:

1. Казачьих Войск (Краев, Областей): Донского, Кубанского (вместе с Черноморской губ.), Терского, Астраханского, Яицкого и Оренбургского;
2. Калмыцкого и иных степных и горских народов, живущих рядом или между казаками;
3. Бывшей Ставропольской губернии.

П.

ОСНОВЫ ОГАНИЗАЦИОННОГО СТАТУТА ВК.

(Принципы Конституции ВК).

1. БОЛЬШОЙ КРУГ ВК. (Верховная власть ВК).

1. Источником высшей власти в организации ВК освободительного движения является воля вольных казаков, выраженная на Большом Круге ВК.

2. Большой Круг созывается для:
   - а) формулировки общей политической программы ВК.
   - в) установления территориальной программы ВК.
   - с) выбора Походного Атамана ВК (возглавления ВК).
   - д) решения вопросов, поставленных на его обсуждение Походным Атаманом ВК или не меньше чем 2/3 Округов, насчитывающими не менее 2/3 общего числа вольных казаков.

Примечание 1. При невозможности созвать Б. Круг, вопросы, поставленные на его разрешение, решаются на ВК Кругах по странам или путем плебисцита.

Примечание 2. ВК Круги по странам созываются распоряжением Походного Атамана ВК в таком же порядке, как и Окружные С'езды, но исключительно в случаях, предусмотренных в примечании 1.

3. Б. Круг созывается Походным Атаманом ВК по своей инициативе или по постановлению, принятому всеми окружными с'ездами.

4. Депутатов Б. Круга избирают вольно-казачьи организации.

II. ПОХОДНЫЙ АТАМАН ВК (Возглавление ВК)

5. Походный Атаман ВК возглавляет и руководит ВК движением до осуществления поставленных им себе задач.

Ему принадлежит высшая исполнительная власть над и в организации ВК.

6. Ведению Походного Атамана подлежат все вопросы не отнесенные к компетенции Большого Круга ВК.

7. Походный Атаман ВК представляет ВК во вне.

8. ....

9. Походный Атаман ВК может составить Временное Правительство Казакии под своим председательством.

Членов этого правительства Походный Атаман назначает и увольняет по своему усмотрению.

Время составления Правительства определяет сам Походный Атаман.

10. Походный Атаман ВК отвечает перед Большим Кругом только за измену идее ВК.

III. ОКРУГА.

11. Для образования ВК Округа нужно по крайней мере 5 вольноказачьих организаций, насчитывающих не меньше 75 человек полноправных членов.

12. Во главе Округов стоят Окружные Атаманы, избираемые окружными с'ездами и утверждаемые Походным Атаманом ВК.

13. В чрезвычайных случаях Походный Атаман может уволить Окружного Атамана и предложить Округу избрать нового Окружного Атамана.

14. Статуты Округов утверждаются Походным Атаманом ВК.

15. Походный Атаман ВК может внести те или иные изменения или поправки в окружные статуты.

16. По желанию окружных с'ездов, они могут избрать из кандидатов, предложенных Окр. Атаманом, помощника, писаря и казначея Округа, составляющих вместе с Окр. Атаманом и под его

председательством Окружное Правление.

17. В каждой стране может быть только один Округ.

IV. МЕСТНЫЕ В. К. ОРГАНИЗАЦИИ.

18. Местные ВК организации сут:
станицы (свыше 15 членов), хутора (от 10 до 15 человек) и курени (до 10 человек).

19. Статуты местных организаций утверждает Окружной Атаман.

20. Станичных, хуторских и куренных атаманов, а равно и состав правлений их, утверждает Окружной Атаман своего Округа.

21. Окружной Атаман может, когда то признает нужным, предложить каждой местной в. к. организации переизбрать свою администрацию в целом или отдельных членов ее.

Ш.

ВЫБОРЫ ВОЗГЛАВЛЕНИЯ ВК:

Все Круги и С'езды высказались за единоличное возглавление ВК.

Вольные казаки в Югославии, Германии, Чехословакии и Румынии единодушно приняли для возглавителя ВК имя: Походный Атаман ВК. ВК Круг во Франции большинством голосов высказался за: Атаман ВК. Следовательно, большинство вольных казаков высказалось за:

Походный Атаман ВК.

Вольные казаки в Югославии, в Германии, в Чехословакии и Румынии единогласно высказались за кандидатуру на пост Походного Атамана ВК казака ст. Ольгинской, Куб. Войска, инж. И. А. Билого. ВК Круг во Франции большинством 23 голосов из 25 (при тайном голосовании) высказался за ту же кандидатуру.

Следовательно, считается избранным на пост Походного Атамана ВК казак ст. Ольгинской, Куб. Войска,

инж. Игнат Архипович Билый.

IV.

ФИНАНСОВЫЙ ВОПРОС:

Большинство вольных казаков высказалось за то, что все ВК организации и вольные казаки одиночки, в каких бы странах они не жили, обязаны усилить свою материальную поддержку своему возглавлению на усиление его работы.

Все вопросы о размерах таких отчислений каждый ВК Округ решает самостоятельно. В тех странах, где Округов нет, вопросы эти решает каждая ВК организация в отдельности.

Приговор

2-го Сбора — Круга вольных казаков в Чехословакии, состоявшегося 2 июня 1935 года в гор. Пшибраме, в присутствии представителей:

От хутора ВК в Новом Книне — атамана Георгия Ивановича **Милькина**,

от хутора ВК у Колина: атамана Стефана Николаевича **Колесникова** и делегата Филиппа Несторовича **Самохина**,

и вольных казаков (одиночек) по приглашению: Василия Ивановича **Пашкина**, Алексея Ивановича **Лучкина**, инж. Федора Ивановича **Быкова**, Петра Леонтьевича **Макаренко** и Михаила Георгиевича **Голицына** (организатор сбора).

Председателем 2-го сбора - Круга избран Георгий **Милькин**, а писарем — Стефан **Колесников.**

Заслушан был информационный доклад **П. Л. Макаренко**, потом принято торжественное обещание (см. приложение) и выслушано: сообщение **М. Г. Голицына** о причинахъ, почему невозможно было созвать Большой Круг ВК, назначенный на 21-6-1935 г., о решении вопросов, которые должен был разрешить этот Круг, на окружных собраниях вольных казаков по отдельным государствам и краткую об'яснительную записку к повестке Б. Круга ВК, составленную И. Билым 8-5-1935 в гор. Париже.

Доложенное приняли к сведению и приступили к выборам кандидата в Походные Атаманы Вольного Казачества. После обсуждения этого вопроса закрытой баллатировкой кандидатом в Походные Атаманы Вольного Казачества единогласно был выбран Инж. **Игнат Архипович Билый.**

Подписали: Председатель 2-го Сбора-Круга вольных казаков в Чехословакии: **Георгий Милькин.**

Члены сбора: **Михаил Голицын, Филипп Самохин, В. Пашкин, А. Лучкин, Ф. Быков, П. Макаренко.**

Писарь 2-го Сбора-Круга вольных казаков в Чехословакии **С. Колесников.**

Приложение к протоколу 2-го Сбора - Круга вольных казаков в Чехословакии от 2-6-1935:

«Мы, атаманы 2-х Вольно-Казачьих хуторов и вольные казаки в Чехословакии, сознавая всю тяжесть принятой на себя задачи, обещаемся честью своей неподкупной, перед лицом гибнущего Казачества, все вопросы нам предложенные решать по крайнему своему разумению, стремясь к созданию государства нашего Казакии, славе его и процветанию. Ныне, призывая Бога Единого, верим и обещаемся и жизнь свою положить за воскресение и счастье Казачества: **Михаил Голицын, Ст. Колесников, Ф. Самохин, В. Пашкин, Г. Милькин, А. Лучкин, Ф. Быков, П. Макаренко.**

2 июня 1935 г.

Приводим ниже несколько выдержек о младороссах из отчета о собрании Н. С. Н. П. (см. «Возрождение» от 23 июня):

«Сопоставления Р. П. Петровича, подтверждаемые документами, часто звучали тяжелым обвинением не столько самих младороссов с их «эволюцией» к большевикам, но и тех, кто, так сказать, к этому движению «прицеплен». «Вся эта линия (линия генерального секретаря младороссов) есть эволюция к большевикам, заполнившая, наконец, у младороссов все»... «Линия Елиты-Вильчевского... превращает все движение младороссов в верноподданичество Сталину и заменяет Россию советчиной. Именно эта «линия» теперь и победила явно у младороссов»...

— Интересно, как все это об'ясняет приставшим к младороссам казакам ген. З. Алпатов?!

Петр Крюков

Три шляха с Дона

(П о э м а) .

Часть третья

1.

...Чредой ленивой плывут годы;
Сменяют радость, счастье, смех —
Никем нежданные невзгоды
И вновь идет пора утех.
Плывут, как волны в море, годы.
Плывут... как плыли... будут плыть...
И люди, как корабль, погоды
У моря будут ждать и... жить...
...И ждал «погоды» Полупанов
Старик, во Франции живя;
Все ждал: захватчиков-баранов
Русь променяет на царя.
Но годы шли; уж семь минуло,
А вести были — туч мрачней,
Ни разу солнце не взглянуло
На жизнь Казачества детей.
— «Пропало все! Мне не дождаться
Зари свободы казаков.
В могилу, что-ль, уже убраться?..
Взглянуть-бы на своих сынов!
Аль написать теперь Даниле?
Небось зазнался, вражий нес!
Небось забыл, что говорили,
Когда... Степан... семью... разнес...
...Дай напишу!» И ночью поздно,
Почив от всех дневных трудов,
Рукой дрожащей, осторожно
Писал письмо Полупанов.
— «Орлом ты сизым полети-ка,
«Моя писюлечка, на Дон!
«Сынка ты мне там разыщи-ка
«И передай ему поклон.
«Соколик ясны мой, Данила!
«Отцовский шлю тебе привет.
«И пропиши мне: сохранила
«Тебя судьба живым, аль нет?
«И пропиши про дом, хозяйство:
«Что есть у нас и чего нет
«И как там новое начальство:
«Дало, сулило что, аль нет?
«У нас тут новостишек много,
«Да нет лишь времени писать;
«Живу, а буду-ль жить-то долго —
«Не знаю. Степу не слыхать, —
«Иде он делся и с сестрою
«И со всей сотней казаков;
«Аль лег иде уж головою?..
«Прощай пока! Полупанов».
Отправил. Месяц ждал ответа
И вот пришел он... И старик
Один, без ласки и привета,
Не смея вскрыть, главой поник.
И долго так сидел, трясяся,
Как в лихорадке. Потом вскрыл:
« — Батянюшка! беда стряслася:
«Наш дом проток недавно смысл.
«Хозяйство тоже все пропало...
«Я сам вошел давно в колхоз.
«Несчастье новое упало:
«Неурожай. И так без слез
«И день не жили... Я женился,
«Да бросил к черту и жену...
«Ты помнишь: на меня озлился, —
«Прости меня, тебя прошу...
«Я виноват был, но нисколько
«И ты-то тоже не был прав.
«Один Степан лихой наш только
«Во всем до точности был прав.
«А где Нюратка? Где-же братка?
«Коли найдешь, так пропиши.
«Не верю, чтоб погиб, — ухватка
«Такая! — в свете поищи!...
«Орлом-бы взвился сизокрылым!
«Ни что на свете мне не жаль;
«Простился-б с Краем я Родимым,
«Да... крылья сломаны, на-жаль!..
«Живем — не тужим: день — не евши,
«Да два дня так; там погодя —
«Еще три дня опять не евши,
«Да день вдобавок не едя —
«Как раз неделя вся уходит.
«Народу тут, как бзыку в Спас!
«Совласть землицы всем отводит...
«Не беспокойся там за нас.
«Теперь пиши не... на станицу,
«А в Туркестанский жаркий край, —
«Там поищу себе землицу,
«А тут земля — хоть помирай!
«Пока прощай! Пиши не часто:
«Не трать деньжонки. Я готов
«Тебе помочь, да вот несчастье —
«Мой переезд. Полупанов».
Залился горькими слезами
Старик, все строчки прочитав:
— «О! Боже! Сжалься над Донцами,
Ты — Вечный, смертью смерть поправ!!...
Да, прав, сынок ты мой, Данило:
Один наш Степа только прав.
И мне ведь сердце говорило:
У русских мы, Донцы, без прав.
Мы им навроде будто слуги:
Их охранять, беречь должны.
За все потери и услуги
Нас лишь ругают, сатаны!
Ну, где-же адрес взять Степанов?
Куда писать? К кому идти?»
И долго думал Полупанов,
Как сына с дочерью найти.

2.

В теплушке ехало не мало
Народу разного. Данил
Прижался в угол. Все уж спало
И только кто-то во сне ныл.
Тяжелых дум рои летали
Вокруг Данилиной главы.
Колеса гулко стрекотали;
Порой крик слышался совы.
Данил невольно улыбнулся:
Степан совиный крик в сигнал
На фронте ввел. — «Не промахнулся
Ни разу; ловко подражал!...
Теперь иде-то он, родимый?
Вот погутарить-то бы с кем!...
Да! Жаль! Я заяц стал гонимый...
Дурак, что не пошел я к «тем»!
Эх, Дурость — вера в русапетов
Меня сгубила, казака, —
Теперь вот в землю «карапетов»
Соввласть загнала дурака.
А на Дону... чужой Он, Тихий! —
Там нет в помине казаков;
Там хам царит теперь великий,
Благодаря нас, дураков.
Отчизна мне теперь: свобода,
А братья — вольные Донцы,
Потомки древнего народа...
Иде-ж вы, вольные орлы?...
Аль полететь уж к ним за грани?...
Оружья нет... нагой... босой...
И сил нет кланяться уж рвани!..
Не дорожу я головой:
И так пропал казак и этак, —
Куда ни кинь — выходит клин!..
Стал робок я, как малолеток,
А что робеть? Ведь я — один!
Остаться здесь — рабом погибнуть;
Рискнуть уйти — авось прорвусь.
И так и этак можно сгинуть.
Позорной смерти я страшусь...
Пойду! Погибну — знать такая
Мне уж написана судьба;
Прорвусь и — Воля дорогая!...
А там — семья!... И вновь — борьба,
Но уж с оружьем за Казачью
Прадедов Волю, наш Народ!
И к черту! К черту рать собачью:
В Россию русский весь наброд!»
...Решеньем смелым успокоен,
Данило чутко задремал.
Вагона ход был тих и ровен.
Казак бездомный мирно спал.

3.

Гаврил Семеныч об'явленья
Послал в газеты. Долго ждал
Ответа, — не было терпенья...
Никто на клич не отвечал.
Прошло с полгода и в субботу
Домой усталый возвратясь,
Окончив трудную работу,
Старик вечерять сел, крестясь.
Вдруг в двери тихо постучали:
«Puis je entrer?» -- «Entrez, madame»
— «Une lettre pour vous»... и замелькали
В глазах Гаврилы и мадам,
И стол, и стены... все смешало
В кровавый круг... —
Усилий потерял немало,
Чтоб овладеть собою он.
Рукой дрожащей распечатал,
Очки надел и прочитал...
И тихо, немощно заплакал...
То из Америки писал
Станичник: «Где-то в Аргентине,
«Или другой какой стране,
«Живет Степан, но и по ныне
«Не довелось узнать все мне.
«Слыхал, что сотня с ним и Нюра.
«Живут в лесах и возле гор.
«Их адрес мой племянник Юра
«Искал, но... так и до сих пор
«Не знаем. Только лишь слыхали,
«Что Войском там они живут,
«Без горя, бедствий и печали
«И никого не признают.
«Свою там веру основали
«И в школах учат свой язык...
«Как верить людям? Ведь издали
«Идет про них такой-то зык.
«Ну, будь здоров. Коли узнаешь
«Их адрес, — тотчас сообщи.
«Пиши: как там ты поживаешь.
«Да адрес ихний-то ищи!...»
Стояла подпись, адрес, дата.
Гаврил задумался... «Живет
Нюратка стало-быть у брата.
А тот, орел, не пропадет!
Что за язык там? Что за веру
Степан придумал там? В какой
Стране живут? иль может в Перу
Или еще какой иной?
Искать их надо! Надо мчаться
В Париж и разных консулов
Там пораспрашивать. Собраться
Не долго мне: всегда готов!
Собрал одежду, да деньжонки, —
Что-что — без денег быть нельзя
В чужой неведомой сторонке.
Тысченки три есть у меня
И хватит. Там работать стану
И узнавать где надо что.
Так в понедельник утром встану
Возьму расчет... Уж ни за что
Теперь меня здесь не оставишь...»
Он повечерял и лег спать.
Во сне невидимых звук клавиш
Ему звенел: «искать!... искать!..»

4.

Гаврил Семеныч уж неделю
В Парижской сутолоке прожил.
Ходил ко многим уж он с целью
Узнать: Степан его где жил.
Ответ один ему повсюду
Давали: — «Нет!... Такого нет!...»

— «А все же адрес я добуду», —
Решал старик... Еще привет
Он получил: Прислал Данило
Письмо из... Персии! — «Ушел!!»
И сердце радостно заныло:
— «Хоть одного-то я нашел!
Теперь сюда-бы его надо:
Все легче было-бы вдвоем.
Похлопотать за визу надо,
А там... и Степу мы найдем!»
И снова хлопоты, старанья:
Сюда-туда изволь бежать,
А ночью думы и страдныя
Гавриле не давали спать.
Но увенчалось все успехом.
Достал он визу и послал
Даниле денег... Тот приехал
В Париж и горячо обнял
Отца. Забыты все раздоры,
Забыты ссоры, нелады
И все взаимные укоры...
...В беде смыкаются ряды
Семьи разрозненной: к горячей
Борьбе готовились за Дон! —
Борьбе последней: за казачий
Присуд, за Вольный Тихий Дон!..

5.

А годы шли... Пятнадцать скоро,
Как с Дона Тихого ушли.
У Полупяновых не споро
Старанья, розыски их шли.
Надежд уж не было дознаться
У консулов: где был Степан.
— «Последний раз бы повидаться,
А там уж смерть мне — атаман!»
Не раз говаривал в постели
Старик Даниле. Постарел
Он сильно; силы ослабели, —
Таков уж старческий удел.
Стал утомляться он работой;
Бывал нередко и больным.
Не разставался все-ж с заботой
Найти Степана: — «Я бы к ним
Туда уехал», — с тихой грустью
Мечтал он: «как-то он теперь?
Не примирился, значит, с Русью! —
«Любил» ее, как лютый зверь!»
Не раз станичник из Канады
Ему писал, но результат
Его там розысков не надо
Нам будет здесь упоминать:
Исчез Степан, как канул в воду.
Данил отца давно сменил
И опросил уж тьму народа:
Никто не знал, Степан где жил.
— «Батяня! Дело-то ведь плохо
У нас с тобой вперед идет», —
Сказал Данило раз со вздохом:
— «Вся жизнь на поиски уйдет!
А тут с работой плохо дело —
«Шомаж» открылся. Я боюсь,
Чтоб все к чертям не загудело.
Пока что я еще держусь,
Но на заводе начинают
Расчет помаленьку давать:
Все постепенно сокращают;
А там — придется нам «лєтать» —
Искать работы. Я надумал:
Уехать надо нам с тобой».
— «А Степу; что-ж, искать... раздумал?»
С трудом спросил старик больной.
— «Зачем: раздумал? Ближе надо
Нам ехать к Степе. В Парагвай
Вон набирают. Ехать надо,
А там найдем Степанов Край».
— «Ты прав, сынок!» — и загорелся
Огнем живым Гаврилы взгляд:
— «Абы нам, кто нибудь там встрелся,
Тогда найдем своих ребят!
Деньжата есть у нас. Поедем!
Иди, записывайся там;
Нехай, хоть землю всю проедем,
А их найдем!... Старайся сам!...»
Благословенье получивши,
Данило начал хлопотать
И, об от'езде заявивши,
Багаж стал скудный собирать

6.

Прошла неделя и Данило
Принес известие: в поход!
Страна им новая сулила
Спокойный труд. — «А наш расчет —
Скорей к Степану бы добраться», —
Смеясь сказал Данил отцу:
— «Отсюда время убираться —
Работа вся пришла к концу».
В их дверь легонько постучали.
— «Entrez»! — и в комнату вошел
Казак. — «Насилу в этой дали
Я вас, станичники, нашел!»
— «Донсков!... Тимоша!... Ты откуда?»
— «Из легиона... Как вы тут?»
— «Живем пока, да жизнь — паскуда;
Уж жить-то стало тоже в труд!
А ты?...» — «Я? Так... как ветер в поле:
Сегодня — здесь, а завтра — там.
Живешь, как все одно в неволе;
Сегодня — выпьешь, завтра — пьян.
Служил пять лет; был ранен дваджы,
Теперь — сержант, да толку нет.
Но вот услышал я однажды,
Что где-то Вайско наше есть
И ваш Степан там атаманом.
Живут, как жили казаки;
Не гнут головушек пред паном,
Как тут иные чудаки!
И вот, собрав деньжат немного,
Решил Степана отыскать.
Вы как?...» — «Да нам уже недолго
Осталось тут томиться, ждать.
Мы в Парагвай решили ехать.
Степан в Америке живет,
Но где? — не знаем; надо ехать,
А там авось судьба сведет».
— «Когда же в путь?» — «Мы завтра едем».
— «Ах, черт! Ну, как-же мне-то быть?

Пойдем в бюро, авось пролезем, —
Авось удастся мне уплыть»...
...Вернулись радостные оба:
— «Готово! Едем все втроем
И будем вместе все до гроба!
Найдем своих! Найдем!... Найдем!...»
— «От Степы!... Боже!»
Воскликнул вдруг Полупанов,
Вскочив с постели. — «Да! Он! Боже!
Нашлись!... Нашел своих орлов!..»
— «Откуда?» Марку рассмотрели...
— «Рука Степана»... — «Ну, вскрывай!
В письме есть адрес»... — «Ближе к цели,
Вскрывай скорее, да читай!...»
Дрожащим голосом Данило
Начал читать, смахнув слезу:
— «Мне ретивое все твердило,
«Что я вас все таки найду.
«Берите визы Парагвая,
«Езжайте смело, не боясь.
«А здесь до нашего-то рая
«Уж близко. Вы же потаясь
«От всех, на берег как сойдете,
«Уйдите в сторону, тогда
«К вам подойдет казак; пойдете
«За ним до нас. Теперь пока
«Прощайте. Скучился ужасно...
«Шлю вам привет от всех Донцов.
«Ждать будем вас мы ежечасно.
«Ваш сын и брат Полупанов».
— «Все?» — «Все!» — «Чевой-то дюже мало.
И как проехать — ничего».
— «Довольно с нас! Степану — слава!
Вперед! — до Войска своего!»
И крепко руки пожимая
Друг другу вольные Донцы
Кричали: слава!...
.....Отдавая
Европе счальные концы
Гигант морской качнулся плавно
И в дальний путь, гудя, поплыл,
Неся Донцов туда, где славно
Орел гнездо в твердынях свил...

1934 г.

Владимир Куртин

Виноград

У Эльбруса две головы. И два сердца. Головы покрыты густыми космами туманов, которые чешут бури. Бури обовьются около одной головы, раскидают туман-кудри, вытянут их в ровные, полосатые пряди и перелетят на другую... Запоют что-то такое грозное, такое страшное, что великан Эльбрус наежится. Взметнутся космы, дотоле опустившиеся было до самого подножья, а одно и другое сердце стиснет мороз леденящего холода.

День за днем, столетья за столетьями... Тысячи лет...

Бешенно налетают бури, рвут туманы, когтистыми руками сдирают одежды... Заблестит на солнце льдистая грудь: по груди пробегут щупальцы неистовой бури, а за ними заклубится снежная пыль...

Оба сердца покрыты льдом. Вечным льдом, что, как панцырь, защищает грудь Эльбруса от стрел разрушающих бурь. Из них капля по капле, ручей за ручейком, течет Белая Кровь Уллукама и Уккулана... А из той крови рождается Кубань...

День за днем, столетья за столетьями... Тысячи лет...

Кубань б'ется в своей колыбели, трясет угрюмыми стенами скал. Играючись, валит и катит «голыши» и мчится к северу. Врезается в жирную, податливую землю, как острый нож в кусок масла. От жирной земли жиреет и сама и сильной здоровой девкой о 18-ой весне, отбившись от неплодного камня, повернувшись на запад, бросается в об'ятья многосеменному чернозему.

Как раз в этом месте Кубань извивалась так, что во многих местах, на расстоянии всего лишь нескольких сот шагов русло от русла, течет в совершенно противоположном направлении. На левом берегу широкая полоса «строевого» леса, на правом — пологий скат высокой «горы». Весь этот скат при размежемке земли об'явлен за неудобную землю. Хотя все ее «неудобства» заключаются в том, что ее нельзя пахать...

Лоснящаяся же от жира земля никем еще не тронута, как здоровая, нетронутая девка, ожидала первого кто бы взял ее... А рожать?... За тем дело не сталобы...

Будто белый кубанский хлеб, намазанный янтарным маслом, раскинулась «неудобная» земеля от южных хат станицы К... до говорливой буйной Кубани.

От станицы к Кубани ведут три спуска: восточный, по которому к Кубани спускаются на водопой бесчисленные «шленские» овцы и гурты скота; средний, по которому скрипят двухколесные водовозки, весело бегут вниз и, равномерно покачивая боками, поднимаются вверх девки с коромыслами на плечах, и западный, по которому пылят и гогочут казаки из крепости.

Веселей всего на среднем спуске, который в станице зовут «пристанью». Вероятно потому, что в этом месте Кубань пристала (уморилась) и течет немного тише, чем на других «спусках».

Здесь барахтается в воде чумазая детвора. Здесь ребята купают коней, или, с разбега влетевши в реку с водовозкою, черпают воду. Здесь бабы и девки «стирают» белье, купаются и «играют песни»...

Андрей Корчагин, сложив на голышах штаны и рубаху, разбежавшись, красным луком мелькнув на солнце, коротко булькнув, скрылся в мутно-желтой воде. Пузыри быстро поплыли вниз по течению, а томительно долгие, полные страха секунды, поплыли по сердцу Нюрки Виноградовой, что в накинутой на плечи простыне выжимала толстую мокрую косу.

— Долго не выплывает...

И чем скорее хотелось ей увидеть над водой бритую голову Андрея, с немного подвинутым орлиным носом над черными небольшими усами — тем все больше и больше растягивались эти секунды...

Но наконец, почти на самой середине Кубани, вынырнула голова, взмахнулись руки и вся «пристань» огласилась звонким здоровым ржаньем.

— Фу, жеребец проклятый... глубоко вдохнув открытым ртом воздух, выругалась Нюрка, не дышавшая все время, пока Андрей был под водой. — Ишь, заржал!...

Сердилась. А от этого «ржанья» у нее мурашки по телу забегали. Инстинктивно притиснула локтями свою грудь, что будто два скороспельчика - арбуза, готовые брызнуть сладким соком от первого прикосновения мужской руки.

Андрей спустился с высокого «шпиля». Обошел невысокий пригорок жирной, суглинистой земли, потом, раздвигая руками густой боярышник, крушину и дикий виноград, пробрался до дна крутого и глубокого яра. Здесь было тихо, тихо. Едва слышно журчит ручей. Жужжат комары. Прошмыгнула ящерица. Вернулась. Поднялась на передних лапках. Часто дыша мягким подбородком, немигаючи установилась на Андреевы чувяки...

Андрей захватил косырем по боку яра. Мягко посыпалась черно-желтая земля...

Размешай эту землю с водою, — отстоит немного и пей... Хороший виноград тут будет... А вино?... Перерезал одну лозу дикого винограда, потянул... тянется с самого верха оврага, будто длиннющая бичевка...

— Хорошее вино тут будет...

Андрей почувствовала, как у него по жилам потекло огневое, пьяное вино. Размахнулся косырем, будто шашкой, по пучку лозняка... десяток тонких веток забились в мягкий перегной...

Выбрался из яра, подошел опять к пригорку, плюнул на руки, крепко стиснул держак лопаты и пошел окапывать «займище».

Белая горошком рубаха прилипла к спине, бритая голова покрылась крупными каплями пота. Легкий восточный ветерок играет на лоснящейся от пота коже...

— «Сказала де - вочка,
Что замуж не пой - ду!..»

Втиснул лопату и далеко швырнув груду лоснящейся, как и его спина, земли, Андрей выпрямился: на горе стоит Нюрка. Перекинула коромысло через плечо, правой рукой прикрыла глаза от солнца.

— Нюрка!...

Громко раскатисто засмеялась. Полетела вниз по крутому косогору, точно белая гусыня, с лета садящаяся на воду.

— Держи!... Разоб'юсь!...

Расширил Андрей руки. Пригнулся немного. Врос ногами в землю... Налетела Нюрка. Высоко взметнул ее Андрей. Точно клещами стиснул ее в поясе чуть повыше широких боков. Сорвались и загромыхали под гору ведра... Трясутся молодые, упругие груди... А у Андрея голова ходуном пошла...

— Пусти... пусти.. увидят....

— Ну, ну... поцеловать-то ведь можно.... Вишь, какая ты... спелая...

— А ты-бы...

— С'ел их... с косточками!...

— Что ты тут в ярах делаешь?... Проводи до «пристани».

— Можно... Заодно и искупаемся.

— Только подальше!

Кубань за ночь разбухла так, что уже во многих местах выплескивалась из своего логова.

Спешит, спешит. спешит...

Отчаянно борясь с бурунами, серединою реки несутся утопленники карчаги. Вздымают руками, переворачиваются, тонут, опять всплывают. То выпрямившись во весь свой рост. быстро выпирают вверх, но не успев даже стряхнуть с себя липкую воду, еще быстрее «сторчка» скрываются в буруне...

Над водою мечутся бесчисленные «метелки»...

Андрей, стоя по грудь в воде, расширил пальцы и пропускает между ними воду. Шуршит, обвиваясь около пальцев, вода: нашептывает, умиляется...

— И она — спелая!

Захватив горсть воды, подбросил на ладони, как пшеницу...

— Спелая...

— Готов? Кричит Нюрка с берега.

— Готов, а ты не хочешь выкупаться?

— А ку(а-ж ты денешься?

— Поместимся... места хватит!

— Вылезай и отойди, а я в воду брошусь!

— А если потонешь?

— Жалко бы было?..

— Еще как!

— Ну и брешешь! Смеется, раздеваясь Нюрка.

— Ей Богу!.. Потому и не выйду!

— Ну, хоть отвернись!

Притиснув левою рукою груди больше для того, чтобы не удариться ими о воду, нежели скрыть их от Андрея, а правую держа там, где обычно рисуют фиговый листик, Нюрка шумно плеснулась в реку. Довольно, весело вскрикнула и, легко взмахивая руками, поплыла на быстрину.

— Берегись!... кричит Андрей, заплывая ниже по течению.

Нюрку понесло ровно на Андрея. Прижалась она к его телу, уперлась сосками в его косматую грудь.

— Любиш ли меня, Андрюша?

— Люблю, Нюра!... Ох, как люблю!... Стискивая ее левою рукою, не отвечает, а стонет Андрей.

Выскользнула Нюрка и перевернулась на спину.

— Ох, как хорошо!... Как хотелось бы, чтобы вода так несла далеко, далеко...

— Нет, милая... лучше тут останемся. Лучше нашей Кубани нет ничего на свете!... Весь Кавказ обошел, в Мурчабе купался...

И, откинув мертвую корчагу, крикнул:

— И Кубань — спелая!...

Еще три дня набухала Кубань, а в ночь под четвертый разрешилась. Всей своей тяжестью опрокинулась на левый берег. Сорвала и унесла гати с правого берега. Разметалась и вширь и вдоль. Разорвала свои зеленые одежды. Блестит на солнце ее прекрасная нагота. Поет ее гибкое, бурунами кипящее тело.

Вся станица на гору высыпала.

— Глянь, до Рогатого озёра дошла!

— Подожди, и до пикета доберется!

— Вишь, как разбросалася!

— Сила!...

Спуски к Кубани удалены один от другого версты на три-четыре. В стороны от этих путей — беспутье. Само русло Кубани в некоторых местах — верстах в 4-х от высокого подковообразного берега («Горы»), в некоторых — с версту. По бугристому, изрытому глубокими ярами скату, начиная от самого обрыва до русла, растет лес: дуб, карагач, бук, ясень, тополи, акации. Но больше всего «тюжины», жердел, чернослив, крупного терна, боярышника и дикого, мелкого и кислого винограда.

Вся эта «неудобная» земля наклонилась к югу, а высоким, отвесным обрывом заслонилась от севера.

В лесу густым туманом снуют комары; в ярах ползают огромные гадюки. Прогалины изрыты дикими свиньями. На этой полосе «неудобной» земли безмятежно плодятся быстроногие серны и угрюмые, неповоротливые барсуки.

Разлившаяся Кубань отогнала всю эту дикую компанию на бугор и в яры по скату горы...

Андрей «захватил» шматок горы десятины с четыре, а с широким яром с южной, нижней стороны и всех пять. Выкопал канаву, обложил ее плотно сбитыми тернами. В середине «сада» на бугорку соорудил «балаган», а около него, на высокой жерделе вышку. Выкопал два колодезя. Через весь «сад» провел ручей.

Андреев отец, Прохор, 60-ти летний высокий и крепкий старик, урядник, не особенно то восхищался его затеей. Но и не мешал много. Всю землю в степи, кроме покоса, он отдавал в аренду с «третины», а сам целые дни проводил или в станичном правлении около кабака, или в кабаке около станичного правления. Или рыбалил на Челбасах. Дома за хозяйством, пока Андрей был на службе, смотрела жена и работник. А теперь — сын Андрей и работник. Дома не было большого хозяйства: пара упряжных коней, два строевых, десяток рогатого скота. Жили не бедно, но и не разрывались по хозяйству.

До службы как то пропустили женить Андрея, а когда тот вернулся да еще вахмистром, женить его оказалось не так то просто. На все советы отца и матери Андрей обычно отвечал:

— Найду и сам! И прекращал этим все дальнейшие разговоры о женитьбе.

И он действительно нашел. Вернее, сама она нашлась. Еще вернее: между всеми девками, которые не прочь были выйти за отслужившего действительную вахмистра, он в первый же день по возвращении, когда между столькими другими поздравила его с «прибытием» и Нюрка Виноградова, заметил и захотел себе в жены именно ее, Нюрку Виноградову, единственную дочь старого «чудака», поморца Марея Виноградова.

Во время выгрузки на станции, Андрей вывел своего застоявшегося Лыска по сходням. В этот момент от первого вагона закричали:

— Вахмистра Корчагина к командиру эшелона!...

Андрей в суматохе сунул недоуздок в руку первой попавшейся под руку девке. А когда вернулся, увидел, что этой «первой попавшейся» оказалась Нюрка.

Лыско доверчиво перебирал губами по ее шелковой кофточке.

— Не боишся? как-то чудно заволновавшись, спросил он девку.

— Чего-бы это я коня боялась?

— Ого? А чья ты?

— Виноградова... Нюрка...

Какого Виноградова?

— Марея.

— Да когда ж ты такая стала?

Андрей жадными и вместе с тем боязливыми глазами пробежал по всему телу. Будто на ней не было ни юбок, ни кофточки, ни персидской шали...

— А какая я стала? Наивно слукавила Нюрка, вскинув на него синими, оттененными длинными завитыми ресницами, глазами.

Андрей не успел ответить. Нахлынула толпа родственников и станичников. Сам атаман, уже в дрызг пьяный, ухватил Андрея за руку и пытался что-то сказать, вероятно, что-то очень важное и умное, но только громко чмокнул его в губы сбившейся прядью своей бороды.

Нюрка все еще держала коня и громко смеялась.

— Красивый у тебя вестовой! Засмеялся пробежавший сотник.

А от этого безобидного замечания у Андрея еше сильнее в'елась в сердце сладкая истома.

— Шишкин, возьми моего!

Подбежал казак. Нюрка нехотя дала ему недоуздок и смешалась с девками.

Мороз разрисовал оконца в старой «рубленной» хате Прохора Корчагина. На столе шипит и насвистывает самовар. За столом сидят Корчагины и Яков Петрович Орешкин — дядя.

Перед чаем согрелись водкой с подобающей закуской, а сейчас потягивают с блюдечка чай с вареньем.

Толстый, румяный дядя, Баязетский герой, поучает:

— Оно, конечно... зазноба, потому и никого не видишь, окромя Нюрки. А как же мы к ним пойдем сватать, когда они — поморцы?!..

— Не из того теста, что-ли? замечает Андрей.

— Ты опять свое. Да ведь у них и попа нету!...

— Наш перевенчает...

— А Морей не даст, ведь он хочет ее, Нюрку-то, за Рогачева Ваську... Понял?...

— Нет.

— Ну и дурень ты, а еще вахмистр. Да ведь Васька-то начетчик!... А Нюрка — попадья-матушка будет!...

— Да вед у поморцев попов нету?

Яков Петрович пробежал глазами по всей хате.

— Слыхать, что он к нам, в староверы, собирается... Попом нашим будет.

— Ну, это еще увидим!... Сердито хлопнул дверью Андрей.

— Ну и втюрился!...

— А я ему другую невесту подыскал, наклоняясь к уху дяди, шепнул Прохор.

— Чью?

— Максима Милентьева...

— Да ведь он мужик?!...

— Чорт с ним! Зато богатый! Тыщи принесет!...

— А Андрей?...

— Цыц!.. Не знает... рассерчал бы...

В тот же вечер на «посиделках» у Шишкиных, куда пришла и Нюратка, Андрей сообщил ей, что слыхал от дяди. Нюрка расхохоталась.

— Знаю, знаю!... Только... какая же из меня попадья?...

Засмеялся и Андрей.

— Если отец не даст, я тебя украду.

— Хочешь? Ухватила Андрея за руки, посмотрела на него снизу своими чудными берюзовыми глазами...

— Хочу-ли? А что-ж я без тебя буду делать?...

У Марея на восточной окраине станицы, недалеко от горы, был огромный фруктовый сад. Сотни черешень, разносортных слив, лычи, персиков, жердел и абрикосов протянулись ровными, как по ранжиру поставленными, рядами. У канав и по дорожкам тянулись живые стены смородины, крыжовника, малины, а между деревьями алели грядки крупной пахучей клубники. Понимал свое дело старый Марей! А работал, как червь. Даже по ночам, при фонаре такие мудрые «прищепы» делал, что на одном стволе росли груши и айва, мушмула и абрикосы... Ветки росли так, как хотел Марей... Цветы рожали такими плодами, какие хотел Марей. Как хороший «волошский» чабан знал нрав своих овец, так Марей знал нрав каждого фруктового дерева.

Когда Марей работал в саду, он непрестанно говорил. Вначале соседи думали, что это он сам с собой разговаривает; потом узнали, что он говорит... с черешнями, клубникой, сливами...

На людях же, обычно, молчал.

Еще мальчишкой забирался Андрей в сад Марея Виноградова. Не ради маленькой Нюрки, которую он тогда и не замечал, но ради слив, груш, яблок. Когда чему был сезон.

— Слышишь, Нюрка: я когда то у вас груши крал.

— Сладкие были?

— Как мед.

— А я?... Близко, близко подтянувшись к Андреевым губам, обдавая его жаром своих щек, дразнит Нюрка.

— Ты?... Дай, попробую!...

Нюрка, как в'юн, скользнула из рук и уже подтягивает своим сильным альтом Мотьке Шатохиной.

— «Кабы дали-бы мне ворона коня»...

Подошел и Андрей.

«Я бы вольная казачка была!...

— А поп?... Наклонился Андрей к ее уху.

— А груши?

«По зеленым лес-дубравушкам»...

Мертвыми героями лежат выкарчеванные дубы. Влипли в землю тяжелою грудью. Широко раскинули вывернутые руки. Каплет кровь из перерезанных жил, а увядшие листья, безжизненно опустив вниз свои головки, отвернулись от ненужного им теперь солнца...

— Какого это чрета Андрей под горою делает? Спрашивают друг друга казаки, видя Андрея, возвращающегося вечером из Бездорожки в станицу.

— Чудак какой-то: как будто ему в степи земли мало.

— Пахотя в аренду сдает, а под горой с барсуками за каждый аршин воюет...

А один из сослуживцев кольнул:

— И сам барсуком сделался... Виданное ли дело: отслужился, а все еще не женатый...

Все лето провел Андрей на своем «займище». Вы-

капывал коренья выкарчеванных деревьев, выжигал терны и ежевику, засыпал яры, прочищал ерик. С Нюркой виделся редко. Старый Марей «караулил» свою дочку, как и свои лучшие «баргамоты». Да и некогда было Андрею: на «сад» уходил до зари, а возвращался вечером. Часто и ночевал там, что не особенно нравилось свиньям, а нравилось волкам, т. к. не раз и им доставались куски свинины.

Кубань перебесилась. Подтянула к себе воды из лиманов, высушила широкие прогалины, потом, перевернувшись несколько раз с бока на бок, улеглась поудобнее в своей постели и, отдыхая, заискрилась довольным, счастливым смехом.

Если посмотреть на закубанскую сторону с горы между средним и восточным спуском, где Кубань прорезала четыре смелых зигзага и где она верст на 5 откатилась от станицы, вся «неудобная» земля предстанется только что выпеченными, зарумянившимися хлебами, когда их казачка вынет из печи и сложит один около другого. На некоторых «пирогах» потрескалась корка, с некоторых весь верх с'ехал в сторону... Некоторые взошли хорошо, а другие — низкие, сбитые...

Под самым обрывом «пироги» довольно высокие, а чем ниже к Кубани — и «пироги» ниже. Потом, под тяжестью леса, пригибаются так, что на них шутя взбираются любопытные струйки разметавшейся красавицы Кубани.

Андреево займище было достаточно близко от станицы и столько же далеко от Кубани.

За десяток дней с четырьмя поденщиками Андрей перекопал все займище. Перевернутые груды земли рыжли и дымились. По грудам неуклюже прыгали вороны, вытягивающие из земли толстых червей.

Андрей ожидал дождя. Нужно было, чтобы эти груды опять растопились, как куски сахара в кипящей воде, и превратили землю в густой сироп.

Был конец августа, когда начал досаждать затяжной северо-восточный ветер. В станице заканчивали молотьбу, а многие уже пахали. «Неудобная» земля старела. Лес начал плешивать.

Всему свой черед, думал Андрей, затворяя за собой плетенные ворота в «сад». И в тот-же момент почувствовал, как что-то больно шевельнулось в сердце. Жаль стало уйти из «сада» и ожидать весны...

Сдернул одежду, открыл ей, «дикой, неудобной» теплые груди и — жди... Как и с Нюркойь моя, а когда-то будет?

И еще одно стало ясно Андрею: он влюбился в свою землю, как и Нюрку. И никому на свете не уступит свою землю. Как и свою Нюрку.

Зимой Андрей подучал малолетков, искал чубуки и посылал сватов к Нюрке. С малолетками все шло как нельзя лучше, с чубуками хуже, а у Марея, его свата, Якова Петровича, угостили гарбузом...

Начальство Андрея хвалило. Нюрка плакала, а у самого Андрея кошки на сердце скребли.

— Нюра, любишь ли меня?

— Еще спрашиваешь...

— Нет, ты скажи.

— И сам видишь... Чего ждать еще? Надула губки, отвернулась.

— Чуешь, Нюра... Ты не сердись. У меня свое в голове. Ежели ты меня любишь, а я... да ты знаешь... Значит, ты моя... Зачем же я тебя воровать буду? Поняла?

Повернулась Нюрка. В самую душу заглянула.

— Ну?...

— Ведь воруют то только чужое, а ты...

Две руки сплелись около шеи Андрея. К груди подтянулись груди. Обожгли горячие губы.

— Вся!...

Догадливая Мотька крикнула:

— Эй вы, девки, ребята, давайте «сыграем»!

И сейчас же начала:

— «Я прошедшую неделю!...

Д'не брала в руки куделю!... — подхватила сбившаяся около нее вся «улица».

Андрей и Нюрка сели на заваленку.

— Видишь ли... Гордость мне не позволяет украсть тебя... Я не хуже Васьки Рогачева... Сделаю так, что сам отец твой скажет: — Возьми Нюрку!...

— Не знаешь ты его.

— А мне кажется, что начинаю его понимать. Он любит свой сад... С каждым деревцом разговаривает, как с живым человеком... А я тоже... Тут мы с ним и сойдемся... Дай мне только мой виноград поднять...

Помолчали. В легком морозном воздухе звонко поются песни «улиц».

— Вот я «займище» под горою взял.... Скоро год над ним мучусь. Всю землю перевернул. Каждый его кусочек промеж своих пальцев процедил... Всем нутром своим чувствую, что оно — мое... Как и ты... А я его... Как и твой... Ну, как-же я его красть буду? от кого?...

— Знаю я, что твой отец на моего косо смотрит... зато, что с мужиками часто в кабаке сидит... Ну, думает, что и я буду... А у меня другое на уме... Только ты... обнял Нюрку, отвел в сторону... Только ты смотри, за будущего попа не выскочи!...

Вместо ответа Нюрка показала дулю:

— Вот ему!...

Нюрка не совсем понимала Андрея, но чутьем своим знала, что Андрей своего доб'ется и смоет срам, который ему нанес ее отец. А «попу» не дастся... Тот «прищеп» отца не удастся.

— Я ему нé айва, на которую он «щепит», что хочет!... Только... ей тяжело было ждать. Жить хотелось. Чувствовала себя настолько спелою, что за каждым прошедшим без Андрея днем, за каждою ночью плакала, как за уворованным счастьем.

Не легко было и Андрею. В особенности по ночам. Не раз ворочаясь с бока на бок на теплой перине обнимал он подушку... Потом вскакивал. Выводил из конюшни «Лыска». Вихрем проносился по «Виноградовой» улице. Выезжал в степь.

Мглистая, теряющаяся в темном небе степь, загадочно молчала. Чуть, чуть прикрылась белою простынею снега и, притаившись, ждет... А Андрею казалось, что прямой шлях, бегущий из тьмы под ноги коню, ведет к ее сердцу. Казалось слышит, как она дышит большими размахами широких бугров и глубоких балок.

Однажды, заехав далеко в сторону покосов, нарвался на стаю волков. Как грозные призраки с светящимися фосфорным светом глазами бесшумно сновали они в большом кругу. По скрежету, который сопровождался коротким жутким подвыванием, Андрей знал, что волки готовятся напасть. А это было опасно. Влепивши один заряд крупной дроби в передних, другой в задних, круто повернул «Лыска», смял задних волков и, как ветер, полетел к станице.

Ночные морозы еще держались в грудах грязи широких станичных улиц, но около плетней и заборов уже образовались гладко протоптанные дорожки. «Неудобная» земля под горою дымилась, а под обрывом уже тянулись к солнцу лиловыми губками бузлачки.

Андрей шел над самым обрывом. Справа от него степь — ровная и гладкая, как тесто выравненное скалкою; слева — «яр», лесистые бугры, черно-желтые прогалины; еще ниже — щетина черного леса, а в лесу — Кубань. За Кубанью опять степь, покрытая сиво-молочными туманами; сзади тумана, на синем небе белеет снежная пена гор.

Верстах в 10 к востоку от станицы Кубань подгрызла правый берег. Гора сперва сморщилась от боли, потом по ней пошли раны, потом — свалилась. И долго, как припадочная, билась в судорогах между высокою стеною степного плато и отбежавшей к югу Кубанью.

Ровные дотоле места выпучились сыпкими курганами. Курганы перевернулись. А с ними и дубы, и карчаги. И качаются по ветру их голые коренья, задыхаясь в сухом воздухе, как рыба на горячем песке.

Во многих местах гребни «гор» близко придви-

нулись один к другому и образовали глубокие и узкие ущелья, которые то суживаются в трещины, то раздвигаются в неширокие долины.

Барсуки, лисицы и дикие свиньи прорыли «хода» из одного ущелья в другое, из одной долины в другую. После дождей по дну этих ущелий рычат желтые потоки и сливаются в котловину, в полуверсте от Кубани. Им помогали и бесчисленные родники; и котловина превратилась в озеро. По ее берегам вырос густой смешанный лес. С северной стороны озера высятся обточенные ветром, изъеденные дождями шпили, будто колонны древнего храма. Между шпилями и в тихую погоду свистит ветер. Когда же над степью зловеще зашипят бураны, будто кто на раскаленную степь-сковородку разом вывернул Черное море, ветер бросается в глубокий обрыв и всей своей неутомимой злобою вгрызается в шершавые боки шпилей. Шпили трусливо дрожат, вниз срываются глыбы песка и глины, а мягкая, как крупчатка-мука, перегнившая земля разлетается по всей котловине и серой мглой застилает закубанскую сторону...

Но нынче было тихо. Молодой ветерок купался в легких волнах тумана и только время от времени сорванецки выскакивал на высокий берег, по которому шел Андрей.

Спустившись по мягкой отопревшей земле под отвесный обрыв, Андрей сперва пробирался между рыхлыми, обвалившимися шпилями, потом перескакивал глубокие трещины, спустился опять между колонны и вышел к лесу около озера. Тут, прилепившись к мягкому отвесному боку высокого гребня, стояли четыре хаты, четыре «кельи» поморского скита. А в скиту жили «начетчики» или «старцы». Тут они блюли чистоту право-истинной веры. Без никонианской ереси. А весь скит или «обвалы» считали своей собственностью.

Андрей был тут еще перед службой. Тогда тут все было иначе. «Старцы», положим, и тогда жили в «печерах», но было их около двух десятков. На том месте, где сейчас стоит озеро, был виноградник, была пасека, фруктовый сад. Старцы спасались и толково вели свое «коммунальное» хозяйство. Место это тогда еще не звалось «обвалы», а просто «скит». А против скита, за Кубанью тогда был большой черкесский аул. Теперь от «скита» с фруктовым садом, виноградником, пасекой и «обчей молельней» со «страшною картиною» «страшного суда» остались «обвалы» с четырьмя, как грибы прилепившимися к боку гребня, «печерами», в которых спасались четыре «начетчика», а от многолюдного аула — одна сакля, в которой доживал свои послендие дни старый Нотаук...

Перед «печерами» на сухой дубовой колоде сидел старик в синем, порваном бешмете. Старик, касаясь бородой раскрытой на коленях книги, недоверчиво смотрел на подходившего Андрея.

— Здорово дневали, дедушка!

Сквозь густые пучки седых бровей на Андрея стрельнули две дробинки острых, как иглы ежа, глаз.

— А чей ты будешь?

— Корчагин... Прохора сын.

— А, знаю, знаю... Когда Шамиля брали, разведчиком служил.

— Он самый.

— А пошто к нам?

— Посоветываться с Савостьянычем.

— Да разве я уж не Савостьяныч?

— Дюже ты постарел, дедушка... не узнал... Еще до службы тут был...

— А ты уже отслужился?... Э, не долго то теперь служат... А мы вот 25 годов!...

На голоса из «печер» вышли еще два «старца» в таких же дырявых бешметишках.

— Чево этот пришел?...

— От Покрова никто, окромя наших, в обвалы не заглядывал...

— Да вот посоветываться пришел... Значит, не презирает нас, стариков... Хоть и из «мирян»... Садись, гутари!...

Да вот земли я занял в Бездорожке... хочу виноград развести, а чубуков нет.

— А... был... был и у нас виноград... хороший.., Разглаживая руками толстые страницы библии, закивал Савостьяныч.

— Был... был... закивали бородатые «старцы».

— Был, да сплыл... Все землей занесло... И пасеку... А от груш и яблок только корни виднеются...

— Да, да... корни... Опять закивали бороды.

— Как же быть, дедушка?...

— А охота большая?...

— Большая.

— То-то... без охоты не берись. Потому мудреный-то он... виноград. Его понимать надо...

— На службе, дедушка, приходилось видать.

— Хорошее дело... Да и Господь не для того землю створил, чтобы зря лежала, да бурьяном рожала. Ты не дымишь бесовским зельем? Вдруг строго спросил Савостьяныч.

— Не курю, дедушка.

— А зачем ты бороду сбрил? аль ты баба? Без бороды-то?

— На службе научился... Теперь не буду.

— Право слово?

— Право слово.

Три бороды одобрительно закивали.

— Вот что, разумей... уж много мягче говорит Савостьяныч, сложив книгу: пойди-ка ты на шпиль, что около самой Кубани вырос. До него дорожка хорошая есть: барсуки протоптали... А на шпиле мы ступеньки выкопали...

— Третьего года, пояснил «старец», казавшийся младшим.

— Взберись ты на шпиль и добро крикни: О... ой!.. А мало погодя, семь разов шапкою махни... Нотаук на каючке приплывет... Он мой старый кунак... Скажи, что я тебя послал... и зачем.... А у него хорошие чубуки есть. Даст он тебе. Скажи только, что я тебя послал. И зачем...

— Спаси Христос, дедушка, поклонился Савостьянычу Андрей. — Только...

— Что «только», аль думаешь — не даст?..

— Нет, дедушка... я еще хотел бы... И показал глазами на «старцев».

— А, хорошо, хорошо, догадался Савостьяныч. Пойдем-ка мы ко мне... Прежние то наши «печеры» землей снесло... Там у нас хорошо было... Ну, да все равно... к земле привыкать надо... Вот Авксентьич Паршиков и не вылезает из своей берлоги... показывая на соседнюю со своею «печеру», говорил Савостьяныч.

Войдя в маленькую единственную комнаташку «печеры», Андрей увидел, что «печера» эта не так уж страшна. Чисто выбеленные плетенные стены, чистый глиняный пол. Постель на вбитых в землю пнях. В углу киот со множеством черных больших и малых икон. Лампада... В одном углу небольшая печь с чугунками и пр. кухонным скарбом.

— Что, хозяйство мое смотришь? А перекрестился-ли ты, когда в келью вошел?

— Перекрестился, дедушка.

— То-то... А то иные прочие вваливаются не крестясь.

Чудно было на душе у Андрея. Как то мирно, тепло, уютно... А в руках чувствовал зуд за работой... Будто уже вытягивает из земли длинные, сочные лозы... А высокий, тощий и погнувшийся Савостьяныч с трясущейся длинною бородою казался пучком камыша... Высокого прикубанского камыша... И он весь высох, погнулся, бороду опустил, чуть ли не до земли... И вечно что-то бормочет. Будто самому себе, в бороду. А прислушаешься хорошенько, в особенности в летний полдень, когда непоседа ветер резвится над его макушками, что ласточки над широкой Кубанью. Э... тогда камыш чего-чего не расскажет чуткому казачьему сердцу...

— Ну, садись на вот этот стульчик и гутарь...

— Видишь ли... запинаясь, начал Андрей... Полюбилась мне Мареева Нюрка... а Марей ее за Ро-

гачева Ваську хочет...

— Ваську?... взмахнулась Савостьяновичева борода. Слыхал я уж, что тот пес, Васька-то, расстреляй его кожу, в староверские попы собирается... Хорош... После землетрясения и не заглянул к нам... А наш был. Я его и в чтецы вывел...

— Я бы дедушка...

— Не бойся ты... Как зовешься-то?

— Андрей.

— Не бойся ты, Андрюша... Полюбился ты мне, что за советом к старику пришел... Виноград вот хочешь посадить... Раньше то его тут много было. И у черкесов, и у старых кубанцев... Старые то кубанцы все нашей веры были... райские сады имели... А уж за Марея... он только с людьми дикой, а с каждой травкой — душа в душу...

Разбежавшись по улицам, ветер хлопал ставнями; перескочив плетни и канавы, подметал сады и «палисадники» и, завертев сухими прошлогодними листьями, бросал их далеко за Кубань.

Над «неудобной» землей тихо. Ветер ее перескакивает и, намочив пальцы в Кубани, расчесывает шерсть «таврических» овец. Над Закубаньем мгла. А далеко, далеко на юге блестит шапка Эльбруса.

Андрей всей пятерней смахнул со лба крупные капли пота. Выпрямился. По всему бугру его «сада» вытянулись в струнку колья. А около каждой таркалины в земле, как ребенок в пеленках, лежит лоза. И одним глазом робко посматривает на Андрея. Тысяча таркал — тысяча чубуков... Вырастет тысяча гибких, сочных, плодовых лоз. Оденутся тканьми листьями, принарядятся жемчужными зернами тяжелых кистей...

— Подождите, покажем и вам! бросил Андрей щетинистым буеракам, ярам и буграм, что со всех сторон дико насупились на его молодой «сад», точно стая коршунов вокруг молодого выводка куропатки.

А садясь на коня, добавил:

— Ну, ну, Лыско, не семени. И тебе хватит овса в поле!

Всю неделю Андрей был занят в станице, приготовляя к пасхальным скачкам «малолетков» и школьников. А главное — не на шутку «поругался» с отцом.

Началось с того, что он решительно отбил арендаторов, а кончилось его неудачным сватовством.

Отец, уже достаточно проглотивший милентьевской водки на счет арендной платы, заерепенился.

— Мужики-то чево-ж будут делать?... Нехай, черти, работают. А нам и третины хватит!...

— Я их сюда из России не звал и на свою землю мужицкую ногу не пущу! Ударил Андрей кулаком по столу. — Сами пахать будем!... Черные глаза его сделались колючими, как и тот терн, что он рубил в покосах для канавы около сада.

— Куда-ж ты с ними? Жестикулируя перед самым носом Андрея, жестился отец.

— Да какое мне до них дело?!.. Взбесился Андрей. Что они мне? брат, кум, сват?...

Прохор значительно посмотрел на жену.

— Брат не брат... а с Милентьевыми не прочь бы посвататься...

Андрей остолбенел. Не нашелся, что ответить отцу на этот подвох. Милентьев держал в станице два кабака и ссыпку... Только на днях отец занял у него 500 рублей на новую хату...

Споив стариков в своих кабаках, хитрый Владимирский мужик, Милентьев получил приговор, которым ему дали лучший в станице «плант». На этом планту Милентьев выстроил большой кирпичный дом с лавкою, набитою «красным» товаром...

В лавке, за кассою, сидела Милентьева дочь — толстощекая, белобрысая «барышня»...

Швырнув ногою табурет, Андрей хлопнул дверьми и выскочил на двор.

— Черт вислоухий! выругался отец, поднимая табурет.

— Вить вот втюрился в поморку!... Страм!... Гарбузом нас накормила, а он свое! Тьфу, черт!... Редкая бороденка его сбилась в два тонких подвижных клочка, отчего он стал похож на «рассерчавшего» челбасского рака.

— Чего он еще ждет?.. а?... Тебя спрашиваю! Накинулся он на старуху.

— Чего-ж ты на меня наскочил, антихрист! Мне бы какую не привел... Уж и так из мочи выбилась...

— Дура ты, зашипел Прохор. — Милентьева-бы тышчи принесла...

— Грец с ними... когда на нее Андрюша и смотреть не хочет.

— Не хочет?... Скривил Прохор на жену губы. «Не хочет»?... а бесится то от чего? Ночами по степи скачет?... С волками воюет... Не хочет? И виноград его в кучургах... Думает Марея перехитрить.... Как рассейский мужик ка-на-вы копает!... Страм!...

Плюнул. Скомкал рачьи усы в козлиную бородку.

— Ты куда это? Подозрительно покосилась на него жена.

— Делов много... Вечерить приду...

В кабаке, обнявшись со своими закадычными друзьями баязетцами, гакал пьяным голосом:

...За-ря... братцы... она
Зани-ма...а-а-а-ется...
Гей, гей!...

(Продолжение следует)

Безумие или рассчет ?

6 сего июля в «П. Н.» напечатаны «воспоминания» («В те годы») г-жи Е. Кусковой, относящиеся ко времени учреждения недавно ликвидированного большевиками о-ва «политкаторжан» (политических каторжников). В воспоминаниях этих есть одно характерное для русских революционеров максималистов (т. е. тех же большевиков) место. Вспоминая В. Н. Фигнер, г-жа Кускова пишет:

...Она (т. е. В. Н. Фигнер) тяжело переживала внутренние противоречия между идеалами революционерки и отвратительным ликом самой революции. Но свое окончательное мнение о всем происходящем (зимою 1919-1920 г.) она формулировала так: — Да, это катастрофа. Но катастрофа очистительная: пусть погибнет в ней 50 процентов российского населения, но опыт остальных, опыт русской революции в целом стоит самой высокой цены: это ответ для всего человечества»...

— «Старая идеалистка», по выражению г-жи Кусковой (менее старой идеалистки) почти не разошлась с последующей действительностью. Большевики действительно не останавливаются ни перед чем в воих опытах. Беда наша только в том, что русские экспериментаторы в число 50 процентов населения, обреченного на опыт, на первом месте поставили какраз не русские народы, а в числе их — впереди! — Казачество.

В следующем месяце наш журнал выйдет один раз двойным номером 20 августа

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть Ш.

(июнь - декабрь 1919 г.)

Безнадежные попытки об'единения.

Мы уже останавливались на обрисовке событий, приведших Доно - Кубано - Терскую конференцию, имевшую целью, по мнению одних, создать «обстановку для безусловного подчинения» Деникину Казачьих Областей, а, по мнению других, — осуществление серьезной попытки организации нового государственного об'единения из уже существовавших в то время государств, возникших на территории бывшей России.

Русская сторона, хотя и имела ясную цель — возрождение неделимой России, но в то же время не имела достаточных военных сил, чтобы просто заставить казаков делать то, что было желательно русским. Потому они шли на переговоры с казакми.

Казачьи самостийники в то время не были еще настолько сильны и не были настолько подготовлены, чтобы они могли совершенно игнорировать «русских казаков» и все ведение войны и построение государственной жизни взять исключительно в свои руки. На линию поведения самостийников решающее влияние имело, как известно, то обстоятельство, что державы-победительницы в Мировой войне все вооружение, так необходимое для успешного ведения войны с большевицкой Россией, давали исключительно в русские руки. Другим, не менее важным и роковым, обстоятельством было то, что среди казаков, особенно на казачьих верхах, нашлось значительное число людей, защищавших русские, а не казачьи интересы, строивших русское, а не казачье государство.

Русские «белые» имели совершенно достаточное количество иностранного вооружения и снаряжения, но не имели столько бойцов, чтобы самим разбить своего красного противника; а казаки имели достаток храбрых бойцов для защиты Казачьих Земель, но не имели вооружения. Это и приведо обе стороны на Южно-русскую конференцию (см. выше: «Юго-Восточный Союз — Южно - Русский Союз. Убийство председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовола», Южно-Русская Конференция»).

Убийство председателя Рады Н. С. Рябовола русскими руками еще свежо было в памяти Кубанцев. Глубокая рана, нанесенная деникинцами Кубани, еще сильно болела. Кубанские станицы еще выносили единодушные приговоры горячего казачьего протеста против русской политики на Кубани. Но, тяжелое положение на колчаковском и Южном фронтах не давало русским возможности игнорировать Кубанцев. Поэтому, в тяжелых условиях происходящей войны продолжая вести политику обмана, выискивания помощников и пособников себе из среды самих народов, которых они собирались покорить, руководители Добрармии и их помощники из казаков решили сначала попробовать силами «русских казаков» провести через Конференцию, состоявшую сначала только из казаков, такие постановления, которые были желательны для русских.

Руководители политики Добрармии нашли более удобным для себя пока не посылать на Южно-русскую конференцию своих прямых представителей, а ограничиться временно заседаниями представителей только Дона, Кубани и Терека.

Русские надеялись, что на этой конференции их политику будут проводить делегации Донская, во главе с известными нам председателем Донского Круга В. Харламовым, и Терская — во главе с генералом Баскаковым. Однако, положение усложнялось тем, что обе эти делегации были связаны в своих действиях решениями Донского и Терского Кругов, почему эти делегации, хотя и готови были поддержать Деникина, но открыто этого делать не могли, так как ни Донской, ни Терский Круги на условия, предлагавшиеся деникинцам, не пошли бы.

Для определения существовавших тогда отношений и для характеристики действительного положения в глубоком тылу Казачьих армий отметим, что в июле 1919 г. здание Войсковой гимназии в г. Екатеринодаре, где временно заседала эта конференция, и днем, и ночью охранялось сотней Кубанских казаков в количестве окол 170 человек.

В первом же заседании Конференции, 8 июля 1919 г., глава Донской делегации В. Харламов выступил с пространным докладом: а) о соглашении между Доном, Кубанью и Тереком, б) об **автономных** правах Всевеликого Войска Донского — соответственно Кубанского Края и Терского Войска и в) о положении о Правителе Юга России. Положение об автономных правах в проекте Донцов исходило из той мысли, что Войско Донское есть нераздельная часть государства Российского, но управляется на основе собственных законов Всевел. Войска Донского, с теми изменениями с дополнениями, которые будут приняты Войковым Кругом. По проекту Донской делегации Войско передавало в ведение общегосударственной власти в порядке управления и законодательства целый рад дел: внешние сношения, право об'явления войны и заключения мира и т. д. (газета «Приазовский Край», № 155, за 10-23 июля 1919 г.).

Характерным для применявшихся тогда приемов политической борьбы было появление в русских газетах, в день начала работ Конференции, сообщения о том, что Терская делегация идет с Донской и что «кубанцы раскололись на две группы: Д. Скобцов, инж. Ланко и Коробьин присоединились тоже к В. Харламову и его единомышленникам, а Султан - Шахим Гирей — заместитель председателя Законодательной Рады, Ив. Макаренко и И. Билый заняли непримиримую позицию» и т. д. Подобное сообщение имело целью внушить читателям, что Дон, Терек и часть Кубани идут с Деникиным, с Россией, и только часть Кубанцев противится этому. Так как в то время не выходило ни одного самостийнического печатного органа, не приходится умалять большого значения подобной «белой» пропаганды.

Как бы в ответ на это, в официальном органе Кубанского Правительства — газете «Вольная Кубань» была напечатана передовая: «Донской проект Южнорусской власти», в которой читаем между прочим следующее:

«Донская делегация представила Южно - русской конференции проект положения о правительстве Юга. Проект этот не рассматривался и даже незнаком Донскому Войсковому Кругу, а, очевидно, наспех составлен в вагоне по пути в Екатеринодар. В том виде, как оно составлено, «положение» является чем то вроде утверждения диктатуры.

По §1 «положения» — «впредь до окончательного создания Всероссийской общегосударственной власти (про всероссийское Учредительное Собрание — ни полслова) правительство Юга России составляют:

1) Правитель Юга России.
2) Совет министров.
3) Палата областных представителей».

Ясных указаний на диктатуру в этом пункте как будто не имеется, но попробуем его расшифровать.

Пункт 1-й поясняется 12-м: «Совет министров Юга России действует на основании особого положения». Какое это «особое положение» — не известно, ибо такового не приложено.

Пункт 14-й: «Палата областных представителей

действует на основании особого положения». Опять «положение» не сообщено, и оно остается загадочным.

Зато п. 2-й — является вполне ясным: «Подчиняясь Верховному Правителю государства Российского, Правитель Юга осуществляет полному государственной власти на Юге России: а) в области военного командования — единолично, как Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России; б) в области управления **через** совет министров, в) в области законодательной — **совместно** с Палатой областных представителей; г) в области судебной — через судебные установления, возглавляемые Правит. Сенатом».

Мы подчеркнули слова **«через»** и **«совместно».** Слово «через» — обозначает также единоличную власть, ибо, ведь и в области военной Правитель Юга России будет осуществлять свою власть **через** находящиеся при нем штаб и другие воинские управления».

...«Признавая необходимость полной свободы действий главнокомандующего в области военной, мы решительно против диктатуры в гражданском управлении и в сфере суда. Краевая Рада — единственный орган, имеющий право высказывать решительное слово по этому поводу, приняла определенную Конституцию и целый ряд постановлений, коими и обрисовывается ясно сфера возможных соглашений и установлений общей власти для всего Юга России»...

...«Мы всею душою и целиком присоединяемся к пункту 3-му: «Существующие ныне при Главнокомандующем Вооруж. силами на Юге России Особое Совещание упраздняется». Этот пункт можно только приветствовать, и мы уверены в его единогласном принятии без прений»... В заключение, автор передовицы приглашал в первую очередь разобрать положение о совете министров и о «палате областных представителей. («Вольная Кубань», 11 июля 1919 г., № 151).

Как видим, официальный орган Кубанского Правительства отмечал, а) что проект, предложенный председателем Донской делегации Харламовым, не известен Хозяину Земли Донской — Большому Кругу, б) что этот проект организации власти Кубань не принимает и в) что из всего проекта Кубань принимает без прений только предложение об упразднении деникинского правительства — «Особого Совещания».

Появление этой передовицы в кубанском правительственном органе не вызывало у русских сомнений в непоколебимости занятой Кубанцами с 1917 г. позиции в вопросах государственного строительства. А так как Донская и Терская казачья масса была настроена тоже самостийнически, что не раз выявлялось в постановлениях Кругов; так как Южный антибольшевицкий фронт держался, главным образом, силами казаков, для честных русских политиков из Добрармии оставался один путь — прекратить попытки через Конференцию привести казаков к признанию диктатуры русского генерала и не мешать казакам строить самим свою государственную жизнь.

Но не таковы были вожди «белого» движения. 12 июля «генерал Деникин пригласил к себе члена Конференции — председателя Донского Войскового Круга В. А. Харламова; вернувшись от Деникина около полуночи, Харламов поделился с Конференцией результатами своего посещения»... О чем же беседовали до полуночи ген. Деникин и председатель казачьего Парламента?

...«По некоторым сведениям, со времени встречи В. А. Харламова и ген. Деникина в Ростове 21 июня, установившей тогда полное совпадение точек зрения, во взглядах ген. Деникина произошла значительная перемена в пользу **чистой диктатуры»,** сообщали газеты (например, «Приазовский Край» 17 июля 1919 г.).

15 июля, после трехнедельного перерыва, начались пленарные заседания Кубанской Законодательной Рады. И в этот же день преседательствующий в Раде Султан-Шахим Гирей, он же и председатель Кубанской делегации, подал весьма подробное освещение обстоятельств, приведших к замене Доно-Кубано-Терской конференции об организации Казачьего Союза Южно-русской конференцией для организации Южно-русской власти. При обсуждении в Раде этого доклада возник вопрос о целесообразности дальнейшего участия Кубанской делегации в работах этой новой, при таких ненормальных условиях возникшей, Конференции. Все же Законод. Рада в тот же день приняла нижеследующее постановление:

Выслушав доклад Кубанской делегации о работах Конференции по образованию Южно - русской власти и имея в виду, что результаты работ Конференции подлежат утверждению органов законодательной власти в Кубанском Крае, Законодательная Рада признает позицию Кубанской делегации на Конференции правильной и уполномачивает ее на дальнейшее участие в работах Конференции».

Стремление ген. Деникина к диктатуре и вышеприведенное постановление Рады ясно говорили о том, что русские оставались на своих позициях, а казаки -- на своих. Потому надежд на соглашение не могло быть. Очевидно, каждая из борющихся на антибольшевицком фронте сторон верила, что дальнейшее развитие событий приведет к победе ее точки зрения.

Тем не менее 17 июля все же состоялось первое совместное заседание представителей Дона, Кубани и Трека с представителями Доброволии — А. С. Щетининым, В. Н. Челищевым, М. М. Федоровым, Н. А. Савичем и г. Носовичем. Заседание было исключительно информационным.

Вторая встреча представителей казаков с представителями Доброволии произошла 19 июля. Разговор шел о функциях Палаты областных представителей, но ни к каким решениям не пришли, так как казаки на уступки не пошли, а «представители главного командования не имели полномочий отклоняться от данных им генералом Деникиным директив».

На этом, собственно, можно было бы совсем и навсегда прекратить всякие разговоры о соглашении, настолько различны были и по своему происхождению, и по своему характеру и, главное, по своим стремлениям власть казачья и русская «белая» власть.

31-го июля — 1 августа вопрос о работах Конференции снова стал на обсуждение в Кубанской Законодательной Раде. Когда было установлено, что русские на уступки не идут, в Раде открыто был поставлен вопрос об отозвании Кубанской делегации с этой Конференции. Тогда Кубанский Атаман А. Филимонов выступил на Раде с длинной речью, всячески убеждая Раду не разбивать Конференцию. В результате горячего обсуждения 29 членов Рады проголосовало за дальнейшее участие Кубани в работах Конференции, а 25 членов Рады воздержалось от голосования. При этом члены Кубанской делегации — Султан-Шахим-Гирей, И. Л. Макаренко и И. А. Билый сложили свои полномочия. Рада освободила Султан-Шахим-Гирея от обязанностей члена делегации, отказа же остальных двух не приняла. На место горца Султан-Шахим-Гирея Рада избрала горца Мурата Хатгогу. Председателем Кубанской делегации стал И. Макаренко.

Конференция в составе представителей Кубани, Терека и Дона продолжала заниматься выработкой положения об органах государственной власти на Юге России. Было решено, что «высшими органами государственной власти на Юге являются: а) Правитель Юга России, б) Палата Областных представителей, в) Совет министров и г) Сенат.

Для образования государственной власти собирается Учредительный С'езд в составе членов Конференции, Войсковых Атаманов, Председателей законодательных учреждений и Правительств Дона, Терека и Кубани, а также Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России и его представителей. Палата Обл. представителей должна иметь характер **законодательный,** а не законосовещательный.

Главы трех казачьих делегаций — В. Харламов, И. Макаренко, и ген. В. Баскаков — в августе 1919 г. два раза посетили ген. Деникина с целью выяснения основных точек зрения казачьей и русской сторон на важнейшие вопросы предстоящего государственного строительства.

В первом свидании, 12 августа, В. Харламов изложил ген. А. И. Деникину точку зрения Конференции на вопрос об общегосударственной власти. Речь шла о Палате Областных представителей. Выслушав сообщение, ген. Деникин категорически заявил, что ни о каком создании **законодательного** органа и речи быть не может. Не может быть вообще речи об общегосударственной власти, так как она есть и он ее **никому не уступит.** Есть национальная диктатура и через нее Россия должна пройти. При диктаторе есть законосовещательный орган, в котором может быть половинное представительство от населения и другая половина — по назначению диктатора. Министры назначаются диктатором самостоятельно и не перед кем, кроме него, неответственны (из доклада И. Макаренко на заседании Куб. Зак. Рады 22 октября 1919 г.).

При встрече 15 августа Деникин заявил казакам:

1. Пока он жив, законодательный орган допущен не будет ни в коем случае. «Я не допущу, чтобы над моей головой стал многоголовный совдеп».

2. Коллегиальное установление остается с правом законосовещательного органа впредь до установления всенародным или учредительным собранием той или иной формы государственного устройства и т. д. (из протокола заседания Кубанской делегации 16 августа 1919 г.).

Когда во время этого же свидания зашла речь об автономных правах Всевеликого Войска Донского, поднялся вопрос о дальнейшем существовании Донской армии. При этом Деникин сказал: «Кто говорит об автономной армии, тот предатель» (из того же сообщения 22 окт. 1919 г. в Куб. Зак. Раде).

Таким образом, ген. Деникин категорически настаивал на безоговорочном признании его диктатуры. Эта же точка зрения была ясно проведена в проекте построения власти, выработанном комиссией Особого Совещания при Деникине. Для иллюстрации приведем некоторые статьи из этого русского проекта:

1. Русское государство, как единое целое, с момента признания в нем единой верховной власти в лице верховного правителя адмирала Колчака, восстановлено. Впредь до Учредительного Собрания, которое должно определить основы постоянного устройства России, никакое устройство ни целого, ни частей Русского государства, при настоящих условиях, не может принять силу, как по воле Верховного Правителя или его полномочных заместителей.

2. Главнокомандующий вооруженными силами на Юге России в делах законодательных и управления действует от имени Верховного Правителя и создание при нем каких бы то ни было органов, согласно ныне временно существующему правовому порядку в России, осуществляемой через главнокомандующего вооруженными силами на Юге России; вследствие сего никакой учредительный с'езд не может быть признан правомерным основанием к созданию означенных органов.

3. Переговоры и соглашения с представителями отдельных областей могут иметь значение лишь обмена мнений предварительного и подготовительного характера и юридически основанием к созданию государственных учреждений не являются.

4. Число представителей отдельных областей при указанном предварительном обмене мнений может быть равно числу представителей от главнокомандующего, как органа власти всероссийской, но решающего юридического значения никакое число голосов и никакое соглашение при этом обмене мнений иметь не может; юридическое значение могут в данном случае иметь лишь акты верховной власти.

5. Высшие органы управления, которые будут созданы этими актами при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России, могут именоваться правительством, и так как конечной целью стремлений южных армий является север с Москвой во главе, то это правительство было бы неправильно именовать правительством Юга России: область его действий может захватить и Юго-Запад, и Север, и Поволжье и Восток. Это должно быть правительство областей, занятых армиями главнокомандующего на Юге России.

6. При наличии диктаторской власти, каковой является власть верховного правителя, и высшая общегосударственная власть в отдельных областях России, действующая от имени верховного правителя в условиях переживаемого времени, должна иметь всю полноту и независимость в целях управления и законодательства. Посему требование зависимости главнокомандующего в деле образования правительства от представительного органа является при данных условиях неосуществимым, тем более, что орган этот представляется лишь законосовещательным.

7. В совет начальников управлений могут быть допущены представители от Казачьих Областей с портфелями по своим делам.

10. Все территории, посылающие своих представителей в высший совет должны признавать единую верховную власть верховного правителя России адмирала Колчака и видеть в главнокомандующем, вооруженными силами на Юге России главу правительства, действующего от имени верховного правителя на всей территории, которая занята армиями, подчиненными главнокомандующему.

11. Отдельные области русского государства могут заключать между собой соглашения для целей культурного и экономического характера, но образование ими союзов государственно-правового значения стояло бы в противоречии с идеей государственного единства России.

12. Порядок местного законодательства и управления, на основании которого действуют органы власти в автономных казачьих областях, утверждается главнокомандующим от имени верховного правителя».

Если внимательно присмотреться к этому проекту, и сравнить его с Конституциями Казачьих Республик и со всем законодательством Казачьих Парламентов, станет совершенно очевидным, что между русской и казачьей точками зрения существовала глубокая, непроходимая и неустранимая пропасть. Никакие конференции, никакие переговоры не могли устранить этой пропасти.

Русские уже исходили из того, что единая русская государственная власть будто бы уже существовала в особе адмирала Колчака; Казачьи же Республики не признавали ни Колчака, ни Деникина. Русские стояли за военную диктатуру, а казаки, признавая в то же время необходимость единого командования, защищали исторически испытанный казачий демократический образ правления. Отсюда и непримиримый, и бесконечный спор о том, какими правами должна была пользоваться Палата Областных представителей и т. д.

Этот столетний казачье-русский спор о правах народов нашел только свою новую формулировку и выявление в работах Конференции...

Несмотря на это коренное противоречие, русские, опираясь на прямую поддержку и помощь со стороны части казачьих верхов, продолжали делать большие усилия с целью внести раз'единение в казачью среду, с целью сначала разбить казачьи силы, а потом взять Казачьи Войска по частям...

Для примера приведем выдержки из газеты «Свободная Речь» органа русской кадетской партии, к которой формально принадлежал председатель Донского Круга В. А. Харламов и некоторые иные видные казачьи деятели; 28 августа 1919 г. по поводу работ Конференции эта газета писала:

«Из авторитетного источника сообщают, что во взглядах Донской и Терской делегаций, с одной стороны, и Главным командованием (ген. Деникиным), с другой, установилось полное взаимное понимание; особняком по прежнему стоят Кубанцы во главе с И. Л. Макаренко. И если недавно в печати отмечалось, что позиция Кубанцев не отличается прежней непримиримостью и соглашение может быстро наладиться, то в последние дни в процессе работ Конференции кажется вероятным, что от ожидаемого соглашения еще далеко, что работы Конференции затянутся на весьма

продолжительное время и весьма вероятно окажутся безрезультатными. В этом отношении вся вина падает на Кубанскую делегацию. В области своих политических притязаний Кубанцы остаются на прежней позиции и действительно с необыкновенным упрямством продолжают твердить о том, что уже давно сдано в архив»...

А 29 августа та же газета писала: ...«Невозможность добиться честного и прочного соглашения с упрямыми самостийниками уже вполне доказана. Зачем же в таком случае связывать свою судьбу с их происками? Не лучше ли будет для более дальновидных Донцов и идущих с ними Терцев недвусмысленно продемонстрировать свою готовность идти дальше с Главным командованием, хотя и без непримиримой Кубани. Здесь, как и всегда, только сплоченные действия большинства способны преодолеть саботаж и интриги меньшинства»...

На какие силы опирались составители подобных призывов к раз'единению казаков? Точка зрения казачьей массы, выявившаяся в постановлениях Кругов и Рады, была, казалось, ясна. Казачество строило свою возрожденную и возобновленную государственную жизнь и вело упорнейшую войну против армий сов. России, стремившейся уничтожить казачью государственную самостоятельность, казачьи вольности и стародавние права. Неся огромные жертвы людьми и имуществом в оборонительной войне с Россией красной, Казачество, естественно не могло пойти на признание русской белой власти на своей Земле.

В грозные часы тягчайших испытаний для Казачества на казачьих политических верхах не было сильной единой казачьей власти, которая об'единила бы казачьи усилия в борьбе с опасным северным соседом. Больше того, часть казаков продолжала тянуть Казачество из под власти красной под власть белой России.

В писаниях кадетской и иной русской прессы правдой было то, что в то время обстоятельства сложились так, что на долю Кубанской делегации на Конференции выпала нелегкая задача быть последовательным и упорным защитником казачьих прав, имея против себя не только Особое Совещание и ген. Деникина, но и некоторых казачьих представителей в составе самой Конференции.

Начавшиеся 5-го сентября 1919 г. совместные заседания представителей Дона, Кубани и Терека с представителями Деникина, не могли, конечно, внести ничего существенно нового. Между казаками и русскими продолжился «упорный торг». Как говорит один из главных членов русской делегации, проф. Соколов, «в этом торге сила была на стороне казаков; во-первых, они были вооружены до мелочей продуманной схемой разграничения всех «предметов» на три категории — дела, подлежащие ведению общегосударственной власти в порядке законодательства и управления; дела, в порядке законодательства подлежащие ведению общегосударственной, а в порядке управления — краевой власти; дела, подлежащие ведению краевой власти в порядке законодательства и управления. А кроме того, они вносили в защиту «местных особенностей» подлинный жизненный пафос, между тем как мы, в сущности, отстаивали принцип, идею» (Правление генерала Деникина, стр. 205).

Русские делегаты, по существу, представляли из себя русских беглых людей, укрывшихся на Казачьих Землях. Русская жизнь выбросила их за борт, хотя эти люди в царской России принадлежали к правящим классам, к привиллегированным и образованным верхам русской общественности.

Русский народ нашел для себя новых вождей, под руководством которых разметал русских помещиков, буржуазию, бюрократию, офицеров, профессоров, земских деятелей, и отдельных представителей этих классов и групп населения старой России, принудил или приспособиться к новым условиям политической, экономической и социальной жизни советского государства, или же заставил их отойти в сторону от политической и общественной жизни...

Лишенные опоры в своем родном русском народе, выброшенные за пределы собственно русской земли на земли казаков, деникинские деятели оказались в нелегком положении людей без территории и без народа...

Новая русская «красная» власть, новая русская «красная» армия защищала Россию, шла войной на соседей, продолжая следовать старой русской практике, а деникинские деятели, как говорит проф. Соколов, «в сущности отстаивали принцип, идею», хотя весь смысл и вся глубина и их принципа, и их идеи сводлась к защите старых, отживших форм русской государственности и общественной жизни.

Чем жили, во что верили эти, оторванные от настоящей русской жизни, люди?!

Один из вдохновителей «белого» русского движения на этот вопрос дает такой ответ:

«У многих, пожалуй, возникает недоумение, — как же, собственно, при таком положении вещей мы могли сохранять ту непоколебимую веру в конечный успех, которая одушевляла нас вплоть до зимних месяцев 1919 г.. Как могли мы, зная о том, что творится у нас в тылу, думать о Москве и серьезно готовиться к ее занятию.

Действительно, несмотря ни на что, вера в победу еще не покидала нас ни на минуту. Но с осени она приобрела какой-то новый оттенок. То была не спокойная уверенность опытного шахматиста, бесстрастно оценивающего шансы сторон и систематически передвигающего свои фигуры. То была скорее азартная вера счастливого карточного игрока, убежденного, что он нашел свою карту и смело делающего на нее ставку за ставкой.

С осени все чаще и чаще слышались у нас такие фразы: «К зиме мы, во что бы то ни стало, должны быть в Москве». Иные поясняли: «Если в ноябре мы не будем в Москве, наше дело плохо». Подробности военного плана Главного Командования, конечно, были нам неизвестны. Но получалось впечатление, что и военные действия приобрели некоторый форсированный, азартный характер. При чрезвычайной растянутости фронта с востока на запад усиленное развитие операций в центре, на главном, «Московском» направлении, повидимому указывало тоже на намерение в кратчайший срок, во что бы то ни стало, захватить Москву.

Когда 30 августа в Таганроге в разговоре с Начальником Штаба о проекте Высшего Совета, я, между прочим, сказал, что хорошо было бы, если бы Совету пришлось иметь всего несколько заседаний до переезда в Москву, генерал Романовский ответил: «Так оно, вероятно, и будет. Месяц у вас уйдет на переговоры с казаками, месяц на формирование Совета, а там вскоре мы и преподнесем вам Москву» (Соколов. Правление ген. Деникина, стр. 191).

— «Их» вдохновляла мысль поскорее и за каждую цену попасть в Москву, где русские вожди собирались быть уже в ноябре 1919 г.

У казаков была совсем другая мысль — как защититься, как оборонить свои Земли от красных армий, посылаемых сов. правительством, уже крепко сидевшим в Москве.

И беда Казачества заключалась в том, что оно не сумело создать свою, казачью военную и гражданскую об'единенную власть, которая не занималась бы бесполезными и вредными мечтаниями о Москве, а железной рукой организовала бы защиту Казачьей Земли, и от московских «батюшек», и от московских «матушек», и от московских коммунистов.

Казачья политика, к глубокому сожалению, в 1919 г. растянулась между казачьей и московской дорогами.

Одним из проявлений этой ошибочной политики было участие казаков в Южно-русской конференции. На совершенно ненужную для казаков русскую затею казаки тратили силы, убивали время, когда то и другое надо было использовать на организацию казачьей государственности и на ее защиту от нашествия армий русских «братьев»...

Донцы протестуют против русской политики.

В виду того, что «белое» движение комплектовалось главным образом из людей, принадлежавших к буржуазным, правящим кругам русской общественности царской России, в нем преобладала и первостепенную роль играла русская интеллигенция, с которой весьма близко и тесно духовно были связаны те казаки интеллигентских профессий — офицеры, учителя, медицинские и ветеринарные врачи, судьи, адвокаты и т. д., которые тянули к России, к матушке Москве.

Обладая достатком русских интеллигентных сил, белое движение, весьма слабое на фронте вооруженной борьбы, оказалось очень сильным в тылу: тысячи русских интеллигентов заполняли всевозможные центральные, губернские и уездные правительственные и общественные учреждения и организации, а другие тысячи русских интеллигентов, оставаясь безработными, искали применения своих сил ради заработка и ради «служения матушке России»...

Победа казачьей государственности, укрепление казачьих республик, вне сомнения, привели бы к переходу государственных и общественных учреждений этих республик в руки казаков и к решительному сокращению числа русских служащих в них, а, значит, к увеличению и так многочисленных кадров безработной русской интеллигенции, изгнанной из советской России или же добровольно оттуда ушедшей.

Поэтому не только привычка к управлению русского народа другими народами, не только желание укрепить это господство на будущие времена, но и материальные стремления и интересы русской интеллигенции, ее желание сохранить свое господствующее положение на Казачьих Землях ставили эту русскую интеллигенцию в ряды бойцов против казачьей государственности.

Всячески уклоняясь от непосредственного участия в вооруженной борьбе на фронте, оберегая свои животишки от риска ранений и смерти в боях против красных армий, русские интеллигенты бросались толпами в тыловые учреждения. Особенно много этих людей скопилось в деникинском Отделе Осведомления и Пропаганды — «Осваге».

Этот «осваг» или целиком содержал или выдавал субсидии множеству русских газет, распускавших русский политический чад на широких просторах земель Казаков и Украины, от Днестра до Волги и гор Кавказа... «Осваг» издавал множество листовок и книжек; «Осваг» покрыл города, села и станицы густой сетью своих агентов, стремясь обработать население «в русском духе», стараясь убедить население в необходимости посылки своих сыновей и братьев в армию Деникина для борьбы за «мать Россию»...

В то время, как казаки, умиравшие на фронте в борьбе с красными армиями, были часто полураздеты (см. выше: письмо Врангеля генералу Деникину от 29 июля 1919 г., телеграмму ген. Покровского от 3 августа того же года, прения в Кубанской Законод. Раде в мае и сентябре 1919 г., телеграммы ген. Сидорина Деникину в октябре того же года и т. д.) и вследствие этого подвергались простуде и различным заболеваниям, на закупку обмундирования не было средств; в то время, как сплошь и рядом не хватало перевязочных средств и лекарств для раненых; в то время, как на закупку самых необходимых товаров для населения не хватало средств, деникинцы выбрасывали колоссальные средства на «Осваг».

Чтобы не быть голословными, приведем фактические данные: официальный руководитель «Освага» проф. К. Н. Соколов, дабы обелить деятельность «Освага», дабы оправдать в глазах современников и будущих поколений деятельность русской кадетской партии во времена напряженнейшей борьбы Юга с Севером, дабы оправдать самого себя, уже за границей издал в 1921 г. в г. Софии книгу: «Правление ген. Деникина». В этой книге проф. Соколов сообщает: «С 19 января по 1 декабря 1919 г. Отдел пропаганды стоил ровным счетом 211 миллионов **донских рублей...** Это составит в среднем 21 миллион в месяц» (стр. 114).

Иначе говоря, даже по данным самого проф. Соколова на русскую пропаганду, на обработку населения Казачьих Краев и Украины в русском духе ежедневно тратилось 700 тысяч донских рублей. Надо полагать, что проф. Соколов, публикуя эти данные, не преувеличивал расходов на «Осваг».

Видя явно вредную для Казачества деятельность русского «Освага», Кубанская Законодательная Рада 14 июня 1919 г. постановила: поручить Куб. Правительству закрыть «Осваг» и его агентов выслать с территории Кубани. Хотя Кубанское Правительство Курганского - Безкровного и не осуществило формально этого постановления, все же деятельность «Освага» на Кубани была значительно затруднена.

Одним из способов борьбы русских против Казачества было внесение розни в самую казачью среду. Русская пропаганда старалась особенно подчеркивать, что только кубанцы являются самостийниками, что среди донских и терских казаков не было самостийнических течений и т. д. Вообще же «Осваг» обратил особое внимание на пропаганду своих идей среди населения Казачьих Земель.

Донцы имели свой собственный Донской Отдел Осведомления — «Донотос». Вследствие этого на Донской Земле параллельно действовали «Осваг» и «Донотос».

«Донотос» должен был популяризировать среди населения Донскую конституцию, Донские учреждения, Донской Земельный Закон, согласно которому на Дону была ликвидирована крупная и средняя земельная собственность; «Донотос» должен был пропагандировать среди населения необходимость организации Союза Дона, Кубани и Терека; по существу «Донотос» должен был вести пропаганду вольно-казачьих идей...

Так как русское белое движение в отношении стремлений русского народа являлось явно контр-революционным, а в отношении не-русских народов явно насильническим и захватническим; так как это движение являлось вообще выразителем и носителем идей и стремлений русских помещиков, бюрократов и генералов-единонеделимцев, естественно, «Осваг» занимался распространением идей, которые находились в полном противоречии с теми идеалами, которым служило Казачество.

Вследствие этого параллельная работа «Донотоса» и «Освага» на Донской территории сеяла полный разброд в умах населения, вызывала идейную дезорганизацию, вносила ужасную неразбериху, затемняла цели борьбы и ослабляла моральную сопротивляемость населения Донского Войска.

Недолгая практика летних месяцев 1919 г. наглядно показала, что кто-то должен был уступить, уйти с политической сцены: или Казачество со своей вольно-казачьей идеологией или же русские «белые» со своей единонеделимчески - помещичьей идеологией.

Пагубные результаты осважной работы на Донской Земле особенно гибельно проявились во время августовских тяжелых боев казачьих армий с наседавшими на Казачью Землю русскими войсками Шорина и Селивачева. Почти по всей Земле Донской происходили те или иные столкновения между уполномоченными «Донотоса» и агентами «Освага». Доходило до того, что во многих местах местная выборная казачья администрация начала ограничивать или просто прекращать работу «осважников»...

Так как Донской Атаман А. П. Богаевский всей душой был вместе с русскими единонеделимцами, так как он всецело сочувствовал работе «Освага», в те тяжелые для Дона времена с атаманского дворца не раздался звучный и властный атаманский голос, в корне пресекавший гибельную работу «Освага» на Казачьей Земле. Напротив, Донские миллионы потоками лились в широкие осважные карманы и поощряли русских на более интенсивную работу для дальнейшего уродования доверчивых казачьих душ.

Молчал и председатель Большого Круга В. Харламов, на Южно-русской Конференции отдавшийся всецело работе по подведению казачьего фундамента под власть ген. Деникина.

В конце концов, не выдержало казачье сердце — горячий протест против тлетворной работы «Освага» бурливо вырвался 2-го сентября 1919 г. на заседании Донской Комиссии Закнодательных предположений Большого Войскового Круга. Член Донского Круга и этой Комиссии И. П. Буданов в горячей речи, построенной исключительно на фактах, утверждал, что «Осваг» всюду подрывает авторитет Донского Войскового Круга и его мероприятия, критикует Земельный Закон, выработанный Кругом... И. Буданов «предлагал проявить мужество и покончить с «Освагом» на Дону». «Дело такта и уменья Правительства так или иначе выкурить «Осваг» с Дона», заявил И. Буданов.

Против этого предложения энергично выступил председатель Круга В. Харламов. Он предостерегал Комиссию Законодательных предположений от такого политического шага, как закрытие «Освага», тем более, что 4-5 сентября «должны начаться окончательные переговоры с представителями Главнокомандующего ген. Деникина об организации общегосударственной власти», пояснял В. Харламов.

Этому протесту В. А. Харламова удивляться не приходится: уже второй год он работал над тем, чтобы Казачество подчинить Деникину. И вдруг донцы предложили покончить с «Освагом». Какое же соглашение могло быть между Казачеством и «белым» движением, когда, казалось лояльные донцы предлагают «выкурить с Дона» «Осваг», распространявший русские политические идеи...

Однако, «Осваг» так допек донцам, что даже Окружной Атаман Черкасского Округа ген. Г. Янов на том же заседании Комиссии Законодательных предположений, подвергши деятельность «Освага» резкой критике, предложил удалить это учреждение за пределы Донской области; что касается его, ген. Янова, то он в своем Черкасском Округе обязуется «в 24 часа покончить с «Освагом».

Член Донского Круга сотник Бирюков там же заявил, что он предпочитает «необработанную почву засоренной плохими семенами». На это В. Харламов заметил «Значит, пусть почву засевают агенты Ленина и Троцкого?». На что член Круга Бирюков ответил: «Такие, как Востоков, хуже Ленина и Троцкого».

Во время прений несколько раз брал слово председатель Круга В. А. Харламов и решительно настаивал на том, чтобы Комисия Законодательных предположений не принимала постановления о ликвидации «Освага» на Донской Земле; по мнению В. Харламова такое постановление чревато тяжелыми последствиями. Несмотря на это, Комиссия большинством 14 против 7 голосов приняла следующее постановление:

§1. В виду того, что как «Донотос», так и «Осваг» преследуют общегосударственные идеи; что существование двух органов ведет к непроизводительному расходованию материальных и людских сил и средств и приводит к столкновениям агентов этих органов, предложить Войсковому Правительству войти в сношения с Главнокомандующим вооруженными силами на Юге России об оставлении на территории Войска одного «Донотоса», который возьмет на себя обязанности распространения общегосударственных идей, согласовав в этом отношении свою программу.

§2. Комиссия находит более целесообразным деятельность осведомления сосредоточить в одном отделе, куда должны войти отделения информации и агитации... печать и курсы агитаторов.

§3. Органы печати на Дону должны согласовать свою деятельность с «Донотосом».

§4. Предложить Правительству обратить особое внимание на личный состав центрального органа «Донотоса», привлекая по преимуществу лиц, знакомых с жизнью населения Донского Края и избегая лиц случайно находящихся на Дону.

§6. Обратить внимание Правительства на то, что газета «Донские Ведомости» не удовлетворяет широкие массы Донского казачества, что направление деятельности этой газеты надо согласовать с принципами, установленными Войсковыми Кругами и Казачеством.

§7. Обратить внимание «Донотоса» на необходимость создать и поддержать органы печати в Округах, создав особое Бюро печати в центре, которое снабжало бы органы эти руководящими статьями.

§8. Принимая во внимание плодотворную деятельность журнала «Донская Волна», предложить Правительству поддержать этот журнал с целью его удешевления и более широкого распространения.

§9. Предложить Правительству воссоздать сквозные тракты, а Окружные станицы соединить прямыми проводами.

§10. Предложить «Донотосу» создать читальни на местах.

§11. Предложить Пра-ву восстановить закрытые почтовые станции.

§12. Предложить «Донотосу» командировать в Округа фотографов для снятия разрушенных большевиками храмов, хурулов и прочих разрушений.

§13. Предложить Пр-ву предоставить программу деятельности Донского отдела осведомления на обсуждение Войскового Круга.

§14. Предложить Пр-ву упростить своевременное поступление сведений в «Донские Ведомости».

§15. «Донотос» должен направить деятельность своих агентов не только к осведомлению правительства о населении, но в особой мере к осведомлению населения о деятельности Правительства».

Это постановление Комиссии Законодательных предположений имеет принципиальное значение — двумя третями голосов Комиссии «Осваг» изгонялся за пределы Земли Донской. Так Казачья Земля хотела избавиться от чужих плевел.

Ясно было, что русская и казачья политика не могли уживаться на одной земле. Подавляющее большинство Донского казачества не хотело допустить, чтобы русские белые в каком-либо отношении распоряжались на Казачьей Земле.

Однако, этим дело не ограничилось. Казачество видело, что политика Добрармии в отношении крестьянства губит все достижения казачьего оружия на фронте. Бывший начальник разведывательного и оперативного отделений штаба Донской армии, ген. штаба полк. Добрынин в своей работе «Борьба с большевизмом на юге России» подчеркивает следующее:

«Говоря о наступлении летом 1919 г., нельзя обойти молчанием еще одного серьезного фактора, безусловно оказавшего влияние на развитие успеха операций и послужившего одной из главных причин катастрофы 1919-1920 г. г. на фронте вооруженных сил Юга России. В Украину следом за наступающей армией двинулись помещики. Они не только приступили к восстановлению своих «законных» прав, но даже начали мстить виновникам своего разорения.

Как только в штабе Донской армии были получены определенные данные по этому возмутительному делу, командованием немедленно было послано в штаб Главнокомандующего подробное донесение с указанием фактических данных и с изложением мнения Донского командования о необходимости принятия самых энергичных мер против этого зла. Одновременно в издававшейся при штабе армии газете «Вестник Донской Армии» был помещен ряд статей, имевших целью отрезвить тех, кто смотрел на грядущие события с точки зрения личных интересов» (стр. 83).

Для иллюстрации приведем выдержку из одного такого протеста Штаба Донско йармии:

«Генерал - Квартирмейстеру штаба Главнокомандующего Вооруж. с. Ю. Р.

...Есть нечто другое, что в данное время волнует его (крестьянство) и на чем играют... боль-

шевики — это вопрос земельный, разрешение которого напряженно ждет крестьянство... Таким фактором, обусловливающим сомнение крестьянства в благоприятном разрешении аграрного вопроса, является прежде всего деятельность помещичьего класса. Именно помещики вооружают против себя крестьян непомерным повышением арендной платы сравнительно с прошлым годом, стремясь, очевидно, этим путем вознаградить себя за убытки, причиненные им комиссарами и советами.

Тогда плата была установлена в 25-30 руб. за десятину — в настоящее время 400 и свыше. Это обстоятельство, в связи с непомерным вздорожанием рабочих рук, заставляет крестьян предполагать, что хлеб будет стоить для них очень большие деньги, а естественный вывод такого предположения воздержание от аренды земли и одновременно с этим сознательное нежелание засевать ее помещиками; в результате этого крестьянский хлеб был свезен с полей и обмолочен, хлеб же помещичий во многих местах стоит до сих пор (сентябрь) неубранным.

В связи с таковой деятельностью помещиков у крестьян растет уверенность, что и земля не будет им дана вовсе, а останется в руках настоящих собственников — крупных землевладельцев...

Поэтому разрешение земельного вопроса и при том неотложное является необходимым шагом новой власти, так как именно его благоприятное разрешение даст возможность сразу поставить на свою сторону крестьянство и получить в нем сильную поддержку...

...Крестьянство нервничает, сомневается, колеблется»...

Различие между казачьей и русской политикой по всем важнейшим вопросам государственной жизни было так велико, что в сентябре 1919 г. Донская Комиссия Законод. предположений требовала удаления добровольческого «Освага» за пределы Дона, а Штаб Донской армии официально протестовал против политики «белых» в крестьянском вопросе.

Но «белые» были глухи и слепы...

(Продолжение следует)

Николай Посохов

Путями предков

Скорбная повесть казачьей освободительной эпопеи.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Посвящаю свой скромный труд вечной и незабвенной памяти бесстрашных рыцарей-казаков и их национальных вождей, павших смертью храбрых в неравной борьбе с Россией за независимость казачьей нации.

Густые клубы паров горячей крови наших предков поднимаются со страниц казачьей истории и не осушенные слезы матерей, жен и сестер взывают к небу, ожидая часа, когда казачья нация стряхнет с себя вековой русский гипноз и иго и казак захочет быть господином самому себе, господином своей политической судьбы.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Предлагаемая читателю повесть не является плодом досужей фантазии автора, но представляет правдивый рассказ о тех непримиримых противоречиях и вытекающих из них мучительных нравственных переживаниях и внутренней борьбе казака, чувствовавшего своим нутром предательство атаманов и гибельность для Казачества того пути, на который они его тянули с помощью тех офицеров, которые служили русским интересам во вред Казачеству, одни по невежеству и политической неграмотности, другие сознательно из-за собственных выгод, за ласку, за посулы «белых» генералов.

Как те, так и другие пополнили ряды казачьих иуд. Особенно тяжка вина последних: они, как паутиной опутывали казачью душу русской политикой, призывая на борьбу за чуждые казаку идеалы и отравляли казачье сознание нездоровым ядом (от которого гибла сама белая Россия), увлекая с собой Казачество к гибели, которое так неосторожно связало свою судьбу с ней.

В прошлом Россия отрицала Казачество, как нацию. В настоящем Россия задалась целью физически уничтожить народ.

Окидывая духовным взором казачью историю и взаимоотношения Казачества и России, двух славянских народов, единоверующих на протяжении столетий, приходят на ум слова пророка Исаи, которые без всяких натяжек могут послужить для характеристики русского народа: «Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видит глазами и не разумеет сердцем» (Исаия 6. 10).

Россия никогда не была единым национальным государством. Это всегда была и есть тюрьма многих народов, построенная на крови и на костях их, и охраняемая массовым террором: царей и аристократии в прошлом, диктаторов коммунистической партии в настоящем.

На протяжении веков идет борьба закабаленных народов с русской тиранией, выливаясь иногда в кровавые войны. Такая же, скрытая или открытая борьба иногда вооруженная, принимавшая размеры войн, велась Казачеством с Россией, отстаивавшим свою независимость. Борьба эта была неизбежна, т. к. идеологии этих народов противоположны одна другой, исключающие друг друга вследствие противоположности политических и экономических интересов.

Естественные богатства Казачьих Земель не давали и не дают спать России. Уже Борис Годунов пытается наложить свою руку на Казачество, но получает отпор. И вот, там, где нельзя было взять силой, Москва начала применять свою «политику». Красной нитью по всей истории взаимоотношений России с Казачеством проходит, с одной стороны, стремление подчинить, обрусить и обезличить национально гордый, сильный духом казачий народ; с другой стороны — упорное сопротивление казаков навязываемому им чуждому ярму. Особенно определенно и настойчиво проявилось стремление подчинить и обрусить Казачество с целью овладеть морями Черным и Каспийским со времени царствования царя-деспота Петра и его преемников...

В своих способах борьбы с Казачеством, Россия пользуется всеми средствами и мерами, руководствуясь принципом: все средства хороши, если ими оправдывается цель. Излюбленным средством русской политики было сеять рознь между соседними народами и подчинять одних с помощью других. Такое же средство было применено в борьбе с казаками.

Россия не только восстанавливала против Казачества другие народы, но своим вмешательством в дела

внутреннего его устройства, вносила своей обрусительной политикой рознь и разлад в самом казачьем народе, награждая особливо угодливых казачьих старшин, так называемых доброхотов Москвы, казачьей землей, давая им дворянские права и привиллегии...

Россия учитывала опасность для себя существования казачьей интеллигенции и потому всех передовых казаков, едва заподазривала в сепаратизме, сейчас же тем или иным способом ликвидировала. Целый ряд казачьих патриотов видим сосланными в Сибирь или же заключенными в крепости, или же эмигрировавшими заграницу. Не говорю здесь уже об открытых борцах за Казачество, сложивших свою голову на плахе от русских палачей.

Вот почему Казачество (будучи в составе России) не имело своей сильной духом национальной интеллигенции. Напротив, наряду с плеядой отважных атаманов-патриотов, будивших казачье сознание и водивших казаков на борьбу за независимость и часто павших от «братской» руки, Казачество дает целый ряд своих иуд, как дань обрусительной политике и приобшению к русской культуре.

Но сейчас казак должен познать самого себя и, где бы он ни был, изучать свою историю и быть достойным своих предков, любивших родину, как мать родную, и безкорыстно ливших свою кровь за веру, честь, закон и волю казачью.

— Казак, охвати духовным взором отношение к тебе ненасытной России; оцени «добро», сделанное тебе и измерь драгоценную казачью кровь, которой ты заплатил, по евангельски, за все содеянное тебе зло в прошлом и в настоящем. В героическом прошлом своих предков ты почерпнешь силы для существования в настоящем, а в настоящем созидай фундамент для лучшего будущего и иди к единой заветной цели — Казакии. Оставь вождей, заведших тебя к пропасти. О таких вождях хорошо сказал Спаситель, говоря о фарисеях своим ученикам: «Они — слепые вожди слепых, а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму (Евангелие Матфея, 15, 14 стих).

А вам, атаманы-предатели славного казачьего народа, и русские вожди, барахтающиеся в яме, в которую вы завлекли Казачество, не мешало бы напомнить и поразмыслить над другими словами Спасителя и подумать о возмездии, которое готовит будущее, если не вам, то вашему потомству....

....

ПРОЛОГ

С глухим шумом вырываются из узкого горного ущелья «Мешок» холодные, прозрачные воды красавицы Белой. И чудится в этом шуме как бы вздох облегченья после трудного долгого пути среди гранитных скал и густолиственных лесов. Обгоняя одна другую, резвые по детски, волны спешат своим игривым плеском выразить свою радость над одержанной победой. Вырвавшись на свободу и достигнув желанных об'ятий матери Кубани, волны Белой забудут все невзгоды и удары судьбы и перепетии вынесенной борьбы... Как не забыть!... Ведь в об'ятиях родной матери, широкой Кубани, их ждет новая жизнь. А ведь они так молоды!... Седые волны Кубани рады встрече с молодежью. В своем беспокойно величавом ходе, глухо шумя, складывают они правдивый рассказ о героической борьбе на пройденном пути... Несут они свой сказ — для всех грядущих поколений.

А сколько эти волны отразили в себе, как в зеркале, и сохранили в памяти образов чернобровых казачек и молодок и грустных, задумчивых взглядов вдов, которые, склонившись над гладью вечно бегущих вод, полоскали и колотили валыками белье в такт грустных, мелодичных казачьих напевов, в которые невольно вкладывали всю свою душу и настроение.

Но еще больше запомнили и несут с собой хрустальные воды девичьих задушевных желаний, подслушанных в часы купаний кубанских чаровниц, — секретов, которые подруги-сверстницы могут поверять друг другу под чарующий плеск и шум речной волны нежась в прозрачных волнах в жаркие летние дни, — будучи уверены, что никто их не слушает...

Много, о, как много видели и слышали волны по пути своего неудержимого вечного бега! Им есть что порассказать и есть что вспомнить...

На правом, скалистом берегу Белой протянулись двумя длинными лентами чистые, белые хаты, потонувшие в зелени фруктовых садов, это — казачья станица Тульская...

Станица была не из богатых и жизнь ее не выходила из русла обычной казачьей жизни. Казалось, сама природа не позволяла ей раскинуться шире. Упираясь одной своей стороной в обрывистый, крутой берег реки, станица своей восточной стороной вплотную подходила к отрогам Черных Гор, покрытых лесами. С северной стороны к станице подходила узкая долина юртовой казачьей земли, часть которой была отведена под общественный выгон для попаса скота. Пересекая выгон, в станицу шла широкая проселочная дорога из соседнего города Майкопа. Перед самой станицей дорога раздваивалась. Одна шла между двух узких лент хат, так называемого хутора, другая же пролегала между станицей и подступившими к станице горами. У подножья этих гор, спускающихся к выгону, находится небольшое станичное кладбище, обнесенное деревянным забором и обсаженное стройными тополями. Кладбище, благодаря розам, сирени и другим цветам, насаженным заботливой рукой близких, тех, кто нашел себе покой под сенью этих тополей, можно было бы принять за цветущий сад, если бы не кресты и немногие белые памятники, выступающие из зелени цветов и неумолимо отмечающие места последнего успокоения тех, кто носил гордое имя «человек».

Был погожий, теплый, августовский день на исходе. Было воскресенье. Большой красный солнечный шар косыми лучами освещал пожелтевшую листву грушняка и покрасневшую — дубняка и от этого освещения казалось, что весь лес, покрывавший гору, горел ярким заревом пожара.

На выгоне у дороги раздаются веселые детские голоса. Группа казачат от восьми до десяти лет, человек двенадцать, играют в войну. Один из них, лет девяти, живой и бойкий, с начальническим видом распоряжается, а все остальные охотно соглашаются. Видимо, свое первенство и авторитет он заслужил своей изобретательностью в игре. Вот и сейчас он собирает всех и говорит:

— Сейчас мы разделимся попарно. Миша, — обращается он к младшему брату, ты выбирай себе, кого хочешь, — половину всех, и иди к тому большому камню, что на горе сбоку кладбища за глинищем. Вы будете черкесы, а мы — казаки. Мы должны вас победить и забрать в плен.

Вот, половина мальчишек, с Мишей во главе, отделилась и отправилась к указанному месту. Оставшиеся собрались вокруг своего начальника.

— Сейчас мы должны быть на конях, говорит он, черкесы обязательно будут на конях; забирайте своих коней и пойдемте, спрячемся в глинище и выскочим, когда черкесы покажутся из-за кургана.

Оседлав длинные хворостины, изображавшие лошадей, мальчишки, прикрываясь деревянным забором, обогнули кладбище и, пройдя густую, высокую бузину, спустились в глинище и спрятались у берега его, ожидая условног знака.

Коля, так звали бойкого мальчика, поставил всех в ряд на три-четыре шага друг от друга и предупредил, чтобы все выходили на ровное место по команде вперед, а когда увидят черкесов, кричали бы ура и шли бы в атаку и окружали их. Сказано — сделано.

Вот из бузины вышли на ровное место ряд казачат и медленно направляются к глинищу. Это были черкесы. Действительно, они были на «конях».

Увидав «черкесов», Коля со своими товарищами, громко крича ура, выскочили из глинища и понеслись на них. Столкновение закончилось пленением черкесов и отводом их в то место, где играли сначала и где пленники были освобождены. Не обошлось, конечно, и без плача; более сильные в пылу боя слишком усердно

работали «шашками», сделанными из кровельной драни. Распорядительный Коля примирил всех.

Огненный шар коснулся краем верхушек деревьев леса на горе. На кладбище и на выгоне легла тень, только верхушки тополей оставались позлащены солнечными лучами.

Вдали на дороге, со стороны города, показалось станичное стадо. Коля посмотрел на солнце и, обращаясь к Мише, сказал:

— Пойдем навстречу стаду и погоним жеребят домой, они всегда останавливаются у колодца с другими лошадьми и не идут домой.

Два брата отделяются от остальной группы и верхом на двух хворостинах направляются к стаду. Остальные дети отправляются в станицу домой. Проходя мимо огромных ям глинища, откуда казаки брали глину для своих построек, Коля увидел несколько свиней, с головой зарывшихся в кукурузную шелуху, вывезенную сюда после чистки кукурузы для сожжения. Свиньи выискивали остатки кукурузы, случайно попавшей туда вместе с кожурой.

Коля на мгновение остановился и игривая улыбка осветила его лицо. Передав своего коня Мише, Коля круто повернул к вороху шелушек и, тихо крадучись, неслышными шагами подошел вплотную к громадному белому кабану. Уцепившись в его щетину, быстро вспрыгнул на него верхом. Ошеломленный неожиданностью, кабан попятился назад и, остановившись на мгновенье, как вкопанный, в следующий миг, чувствуя на себе седока, завизжал и опреметью бросился к станнице. Остальные свиньи, услышав визг кабана, тоже выскочили из шелухи кукурузы и, не понимая, в чем дело, понеслись вслед своему перепуганному собрату.

В первое мгновенье, не расчитавши, что его своеобразный конь может так быстро бегать, Коля растерялся и, даже в душе начал раскаиваться за свою шалость, но т. к. руки его запутались в густой щетине кабана и ему удалось, несмотря на порывистый бег его «коня» удержаться на хребте кабана, он успокоился.

Миша, видя мчавшегося брата, один пошел навстречу стаду. Коля обогнал своих товарищей по игре, которые, увидя его верхом на кабане, с гиком понеслись в догонуку.

Обернувшись к ним, он закричал:

— Не догоните!

Мальчишки далеко отстали от него, но все же бежали по дороге, крича:

— Вот так джигит!

Кабан, почувствовав погоню, побежал еще быстрее и пересекая площадь, направился к колодцу, где вдруг остановился и стал жадно пить воду. Коля, от неожиданной остановки, кубарем свалился на дороге, с окровавленными руками, порезанными щетиной. Однако, несмотря на боль от удара о землю и кровь на пальцах, он начал обмывать руки в воде, как будто ничего и не случилось.

Гулявшие на площади дивчата и парубки, увидев всадника, несущегося верхом на кабане, громко хохотали.

Скоро подоспели и товарищи Коли. Коля почувствовал себя героем, несмотря на смех, на порезанные щетиною руки и на иронически звучавшее «джигит». Подождав около колодца Мишу, гнавшего уже жеребят, Коля взял своего коня-хворостину и присоединился к Мише...

. . . . . .

Часть первая.

ЗА СВОЙ ПОРОГ И УГОЛ И СЕДУЮ СЛАВУ ДЕДОВ

Был ходолодный декабрьский вечер 1917 года. По хорошо убитой санной дороге из Майкопа к станице Тульской приближались два всадника, одетые в дубленые черные полушубки, туго перетянутые поясами.

Один имел нашивки приказного, другой был без погон.

Луна, вышедшая из-за облаков, освещала искрящееся снежное поле. Дорога была безлюдна. Никаких ночных шумов не было слышно; даже шаги лошади скрадывались мягкой зимней дорогой.

— Что же, Димитрий, обратился казак без погон к приказному, — значит, конец войне?! — Прошли наши тяжелые дни, заживем теперь на Кубани! Вот тебя через несколько минут встретят жена и сын и завтра ты начнешь уже хозяйничать. Твоему сыну, ты, кажется, говорил, уже четыре года; смотри, через два-три года тебе будет помощник.

— Так точно, господин сотник, сказал приказный, — сын у меня очень хороший, писала мне жена на фронт; говорила, что он уже сейчас хочет учиться читать и писать, чтобы читать мои письма, что приходят с войны.

Проехали молча несколько шагов.

— А что, господин сотник, раз война кончилась, я думаю и вы теперь женитесь. Вы там на фронте говорили, что только война мешает вам жениться.

— А ты, однако, все помнишь!

— Да как же, господин сотник, хоть вы говорили и в шутку, да я думаю, вам и в серьез нужно теперь жениться.

— Это правда, Димитрий, я не отказываюсь. Вот, немного поживу в станице и, если моя невеста за время моего отсутствия не вышла еще замуж, то после Пасхи приглашу тебя на свадьбу.

— А разве вы в станице будете играть свадьбу?

— Вот, чудак, а то где же! Если я живу в станице и моя невеста здесь же, то где же нам и венчаться, как не в станице?

— Разве невеста у нас в станице?

— А то где же?

— Да у нас же в станице ни одной барышни нет по вас.

— Уж, будто бы и нет! А ты знаешь Галю Петренко, дочь лесника войскового леса? Чем не барышня и не невеста? Я, ведь, когда еще был студентом, знал ее и ухаживал за ней.

— Ну, какая же она вам невеста, она, ведь, без образования!

— Как, без образования?! Окончила двухклассную школу, а потом сколько она хороших книг прочитала, которые я ей носил! Она не виновата, что ее мать скоро умерла и все хозяйство и старый отец остались на ее руках и она не могла больше учиться. Да это и не важно. Она умнее многих русских барышень образованных, которых я знал. А, главное, она казачка.

— Оно то так, может быть, господин сотник, да только она ведь и разговаривать не умеет, а все балакает, как ее отец.

— Ха, ха! Чудак ты, Димитрий, что же ты думаешь, я не умею балакать? Я, когда с ней, то всегда балакаю, моя мама тоже балакала, а Галя умеет и балакать и понимает все русские разговоры.

Разговаривая так, всадники приблизились к деревянному мостику через протекавший недалеко от станицы ручей. Здесь дорога раздваивалась. Одна шла через так называемый «хутор», другая же через выгон, мимо кладбища и хлебных амбаров. Приказный жил на хуторе.

— Итак, Димитрий, до свидания! Кланяйся жене и поцелуй от меня сына; когда тебе что либо будет нужно, то приходи ко мне, я буду тебе всегда рад помочь советом и делом, а сейчас спасибо тебе за службу. Дай, я тебя поцелую за твои заботы обо мне; за эти три года войны ты был для меня братом.

— Да, так точно, господин сотник, я и сам на Вас смотрю, как на брата; Вы всегда стояли перед начальством за нас, казаков, и мы казаки верили Вам и знали, что Вы нас не обманете.

Поцеловавшись, всадники расстались — приказный, конный вестовой сотника, в'ехал в улицу хутора и вскоре скрылся за поворотом. Сотник один продолжал свой путь по выгону. Кто бы мог теперь узнать в нем белоголового девятилетнего казаченка, проскакавшего с выгона в станицу на кабане и получившего кличку «джигит»? Собственно говоря, эта кличка «джигит» сохранилась за ним и в полку. Офицеры так зва-

ли его по дружески; станичники же и казаки полка, разговаривая между собой, всегда звали его «сотник-джигит». Оставим это имя и мы за ним.

Итак, это был он, командир-вдохновитель и изобретатель детских игр своих сверстников.

Простившись со своим вестовым, сотник задумчиво продолжал свой путь. Тень грусти легла на его юное лицо и дымкою печали затянулись его глаза. Было ли ему жаль расстаться со своим конным вестовым, с которым он в течении трех лет делил горе и радость походно боевой жизни и привык к нему, как к родному? Или же, проезжая по выгону и приближаясь к станице, он вспомнил невозвратные картины золотого детства и многих своих друзей и сверстников игр, которые стали жертвой кровавой войны? Вернее сказать, одно и другое было причиной его задумчивости и печали, не покидавших его до самого дома.

На белом снежном поле стройными темными тенями выделились безлистые тополи, насаженные вокруг кладбища. Конь, как бы чуя, что всадник его погружен в задумчивость, медленно и неслышно переставлял ноги, как бы боясь вспугнуть нахлынувшие роем воспоминания. А в памяти сотника картины прошлого мнялись, как на экране.

Вот, перед глазами стал чудный образ сверстницы по двух-классной станичной школе, черноокой и чернобровой Гали Петренко или цыганки, как звали ее мальчики в школе. Ее имя, Галя, так гармонировало с ее смуглым лицом и косой цвета вороньего крыла. Острый правильный носик и пронизывающие черные глаза встали перед глазами сотника. Вспомнил «джигит», как сперва он с презреньем смотрел на Галочку-цыганку, дразнил ее, как и всех других девочек, называя всех их «бабами». Это слово он перенял от своего дяди Тита и оно ему очень нравилось. Он его употреблял так же, как самое оскорбительное слово, прилагая его к тому из его товарищей-сверстников по игре, кто особенно заслуживал порицания.

Оценил и узнал Галю «джигит» лишь тогда, когда двенадцатилетним малышом - учеником третьего отделения станичной школы, в пылу негодования, игрушечным кинжалом разрезал рубаху и бок до крови одному из своих сверстников, сыну станичного торговца, за то, что тот не сдержал клятвы, которую все они, малыши, принесли, держа кинжалы, а кто не имел кинжала, просто руку над горевшим костром в пещере.

И, вот, боясь гнева отца и думая, что его, как взрослого, арестует атаман, «джигит» убежал в войсковой лес, взяв только у тетки, что жила на окраине станицы, краюху хлеба и кусок сала.

Вспомнилось «джигиту», как жутко и страшно было в лесу в первую ночь и как, поев хлеб и сало, он пошел бродить около караулок лесника и как встретил Галю. Это было в праздничный день св. Троицы. Галя выслушала всю его историю и, так как она тоже не любила того мужиченка, забыла все свои личные обиды и презрительное отношение к себе «дижигита» в школе, приняла его сторону и кормила его, нося украдкою от отца разное с'естное и даже бегала в станицу к сестре «джигита», чтобы узнать, ищут ли его и хотят ли его арестовать. Из станицы она принесла радостную весть, что папа «джигита» заплатил за порванную рубаху пострадавшего и что последний жив, а его царапина зажила уже. Сестра «джигита» просила передать, что отец и мать обещают простить его и просят вернуться домой. Эти две недели, проведенные в лесу, сперва в пещере, а затем на сеновале Галиного отца, спаяли «джигита» и Галю тайными, невидимыми нитями глубокой дружбы, которая жива и сейчас в душе «джигита» и воспоминания о которой невольно заставляло учащенно биться его сердце.

Поравнявшись с кладбищем, Джигит повернул к калитке и под'ехал, слез и привязал лошадь к тополю. Войдя затем внутрь кладбища, стал пробираться по глубокому снегу, между крестов. к противоположной возвышенной стороне кладбища. Отыскав на возвышении могилу, увенчанную металлическим крестом, торчавшим из глубокого снега, Джигит припал к кресту и, стал на колени в глубоком снегу, долго молился. Год тому назад он привез с далекого западного фронта останки своего младшего брата Миши, ставшего жертвой неумолимой войны, с которым он был в одной сотне.

Наконец, поднявшись, он медленно снова стал пробираться среди крестов к выходу. Конь увидев хозяина, заржал и, вытянув шею, обнюхивал Джигита. Поласкав коня по шее и отвязав его, Джигит сел. Сердце его мучительно сжалось при мысли, что больше не услышит голоса своего любимого брата и сверстника по игре и соратника по ужасным кровавым боям с немцами. К горлу подступал горький комок и влажная пелена застилала глаза джигита. Но конь и сам знал хорошо дорогу домой и, почуяв близкую, теплую конюшню, веселее зашагал и через десять минут остановился у ворот обширного двора с белым домом, крытым железом.

От остановки коня, Джигит как бы пробудился от задумчивости и, встряхнув головой, как бы отмахиваясь от назойливых мыслей и, проведя рукой по глазам, слез с коня, постучал в ставень окна, выходившего на улицу. В доме еще не спали, хотя его и не ожидали.

Открыть ворота, бывшие уже на запоре, вышел старший брат Петя. Братья бросились в об'ятия. Затем Петр взял коня, замкнул снова ворота и сказал:

— Иди в дом, там будут рады, а я сам уберу лошадь; она не разгорячена? — спросил он, направляясь к конюшне.

— Нет, бросил на ходу Коля, я ехал шагом. И он легко, касаясь только пальцами ног ступенек, поднялся на крыльцо и скрылся в доме.

Действительно, непритворной радости всей семьи не было границ. Мать, сестра и жена брата даже пустили слезу от радости, что послужило сейчас же отцу предлогом, старавшемуся скрыть свое волненье, обратиться к сыну со словами:

— Вот, видишь, сынок, у всех баб глаза на мокром месте поставлены; вместо того, чтобы напоить и накормить казака, они раскисли. Ты, поди, хочешь есть с дороги...

— Ну, ты, старый, не вмешивайся не в свое дело, сейчас накормим. Маша, — обратилась мать к дочери, накрывай на стол. Мы уже поужинали и собирались ставить самовар, добавила она, смахивая слезы и обращаясь к приехавшему. — Поужинаешь сам, а затем все вместе будем пить чай.

Пока шли приготовления, отец шепнул что то сыну. Тот взял со стены висевшую связку ключей и вышел, а через несколько минут вернулся, неся и ставя на стол, где уже дымился горячий борщ, бутылку с засмоленной пробкой. Остальная семья собралась, стоя около стола, как бы желая не упустить времени наглядеться на приехавшего.

— Вот, сынок, сперва для аппетита, выпей чару зелена вина, — сказал отец, указывая на поставленный на столе графин с водкой, — а затем разопьем вот эту бутылку нашего собственого яблочного вина; я его приготовил еще до войны!

Пока Коля ужинал, поспел самовар и вот все снова собрались за чайным столом. Наступилио общее оживление. Джигит рассказывал о последних месяцах войны. Русские солдаты начали брататься с немцами и затем, когда в Петербурге власть в России перешла к Керенскому, потом и к Комитетам, на фронте появились агитаторы, пропагандировавшие окончание войны «без анексий и контрибуций», а солдаты покинули фронт. Все они торопились по деревням, чтобы отнять землю у помещиков и поделить ее между собою. Ясно, если русские солдаты бросили воевать и расходились по домам, то казакам и вовсе нечего было делать на фронте; да, кроме того, не понравилось нам, казакам, — продолжал рассказывать Джигит, — что русские солдаты и всякие агитаторы стали вмешиваться в казачьи дела. Мы, казаки, как говорил приказ № 1 Соколова из Петербурга, тоже ввели у себя комитеты полковые и сотенные, но все это не нарушило нашей дисциплины и спайки. Уж очень хотелось товарищам солдатам, чтобы казаки поступили так же

со своими офицерами, как и они; а они своих офицеров, большею частью, поубивали, а многих предали таким ужасным мучениям, что при одном только воспоминании всего виденного, в жилах стынет кровь. Видя, что у казаков нет плохих офицеров, которые бы заслуживали быть убитыми руками самих казаков, солдатские комитеты прямо стали требовать выдать им казачьих офицеров для суда.

Ну, тогда, видя, что москали берут нас за горло, мы всем корпусом, со своими офицерами и штабами, решили вернуться на родину и где с боями, а где и хитростью, захватывали на станциях подвижной состав и добрались до Дона. На Дону же, донцы остались дома, а казаки других войск тоже вернулись по своим землям. Мы, кубанцы, вернулись на Кубань, терцы — на Терек, а оренбуржцы, бывшие у нас в дивизи, поехали на Урал. Вот, так мы и кончили воевать, хотя мир еще не подписан и немцы, кажется, скоро будут в Киеве.

— Поверь мне, старому, сынок, что война для нас, казаков, не кончилась, а только начинается. Собираются черные тучи над казаками и, Бог знает, может быть придется не только тебе, но и мне, твоему седому отцу, сесть на коня и взяться за оружие...

— Что вы, что вы пророчите, папа, какая война и с кем! Немцы, я думаю, дальше Украины не пойдут, а если сунутся на Дон и Кубань, то мы опять за оружие. Ведь, мы на Дон и Кубань привезли массу оружия и припасов. Я не думаю, чтобы нмецы так далеко пошли. Наше казачье правительство сумеет доказать немцам, что в казачьих землях им делать нечего и что казаки с ними воевать не собираются.

— Нет, Коля, не немцев надо бояться, а русских. Вот им зачем то хочется везде по станицам, вместо атаманов, иметь комиссаров и советы из мужиков, которые бы правили казаками.

— Ну, папаша, русские не страшны, сейчас у них революция, они заняты дележем земли и им теперь не до казаков; а что касается того, что им хочется назвать нашего атамана комиссаром, а станичное правление — советом, то это не важно. Все равно, мы, казаки, будем выбирать этого станичного комиссара и станичную администрацию и наше же Правительство и Рада из Екатеринодара будут управлять Кубанью. Теперь, когда в России нет прежней власти и новое правительство провозгласило принцип «Свободы, Равенства и Братства» народов, как раз то, что казаки потеряли в далекие прошлые времена, возвращается снова и я не думаю, чтобы новая русская власть была против самостоятельности Казачества. Ведь, если они будут против независимости Казачьего народа, этим самым они подрубят сук, на котором сидят.

— Видишь, сынок, ты учился и умеешь говорить, а я все таки скажу, по моему простому разумению, русские так легко не захотят расстаться с нашими богатыми казачьими землями и придется бороться.

— Ну, что ж, за свои земли мы все, как один, с радостью возьмемся за оружие. Я, ведь, как и все другие казаки, имею от командира полка отпуск впредь до особого распоряжения, а будет распоряжение от нашего правительства и клич Батька Атамана, — сейчас же на коня и под седые полковые знамена...

За разговорами незаметно время пролетело далеко за полночь. Наконец, мать об'явила, что пора спать, сказав:

— Ну, годі, ще завтра буде час балакати, іди, синку, у свою кімнату, Маша все вже приготовила.

Засыпая на свежей, мягкой кровати, Джигит, как бы сквозь сон, слышал, как на станичной колокольне пробило три раза.

На другой день за обедом отец говорил сыну:

— Я разговаривал сегодня с батюшкой, когда ходил служить молебен о твоем возвращении, он передавал тебе привет и еще сказал, что так как в станице в школе не хватает учителя, то не захочешь ли ты заниматься с детьми? он сказал, что на днях будет школьный совет и он хочет предложить совету пригласить тебя.

В первые дни, по прибытию в станицу, Джигит осмотрел и побывал во всех своих любимых заветных уголках: в саду, на острове и других местах.

Узнав о его приезде, приходили родственники и знакомые. Через несколько дней пришел к нему с визитом его хороший друг, учитель, донской казак и принес ему официальное письменное предложение занять место школьного учителя.

— Слушай, Виссарион, как же я без диплома могу занять место учителя?

— Ну, брат, ты только согласись, а уж заведующий сам сделает доклад инспектору народных училищ и привезет назначение.

— Ну, хорошо, согласен.

Но, дав согласие, и сам Джигит не терял времени. Чтобы с чистой совестью принять предложение и стать учителем, он, не говоря никому ничего, и оседлав коня, на другой день уехал в Майкоп, сказав только отцу, что уезжает на три дня. В Майкопе он посетил реальное училище, которое он окончил когда-то, и из'явил директору желание получить диплом учителя начальной школы. Директор на другой же день назначил ему пробный урок с представлением конспекта. Прощаясь после сданного пробного урока, директор сказал:

— Со спокойной совестью ступайте на новую работу, диплом я пришлю прямо в станичную школу.

И через неделю, по приезде, Джигит уже работал на ниве просвещения.

(Продолжение следует).

ДЕТСКАЯ СТРАНИЦА

Г. Фурса

Шарик

(Письмо старого ежа).

Милые казачата. Сперва позвольте представиться вам, потом я опишу мои необыкновенные приключения, а вы читайте о том внимательно.

Зовут меня Шарик, по отечеству величают Наумыч, а фамилия моя Еж. Род мой очень древний, допотопный. Две пары моих предков даже прославились, совершив кругосветное путешествие на корабле с первым знаменитым мореплавателем Ноем, открывшим новую землю Кавказ. Земля эта так понравилась и капитану и пассижирам, что они решили там поселиться.

Сняв с корабля все необходимое и оставив его, на память будущим потомкам, на горе, они выбрали подходящее место около горы и осели там хутором. Постепенно их хутор разросся в большую станицу, так что и людям, и ежам и всякой прочей твари стало скоро жить тесновато. Тогда некоторые удалые головы отправились искать счастья в других краях.

Несколько таких удальцов-ежей с семьями добрались до одной многоводной реки. Боже мой, какую благодать они увидели здесь! Река широкая и глубокая; вода в ней чистая и холодная; рыба в ней кишмя кишит; кругом бесконечные степи и леса; а небо голубое, голубое; а дичи — лови, не перело-

вишь... Настоящий рай. «Ну», сказали пришельцы: «лучшего места нам не найти. Остаемся здесь». И остались.

Река эта известна всему свету и называется Кубань. Начинается она в горах, где тают вечные снега, и вливается в Черное море, принимая в себя по пути воду из Белой, Лабы, Урупа и многих других больших и малых речек.

Устроились поселенцы на Кубани, трудятся, отдыхают, радуются, горюют, новые нарождаются, старики уходят на тот свет... Так прошло много, много лет. Наконец, родился и я.

Семья наша состояла из отца, матери, меня, двух моих братьев и двух сестер. Имели мы свой домнору между корнями старого бука. Нора заканчивалась просторною пещеркою, устланною сухими листьями, травою и мохом. Было нам там и мягко, и тепло в холодное время, и прохладно в жаркие дни. Пока мы были маленькими, мать кормила нас своим молоком, а когда подросли и молока для нас не хватало, отец и мать приносили нам жуков, кузнечиков, ящериц, мышей и птичек, которых мы поедали с большим удовольствием.

В хорошую погоду нам позволяли выходить из норы. Ах, какое счастье было для нас, малышей, выбраться на свет Божий! Как мы веселились: кувыркались, катались по земле, боролись, бегали взапуски. А мать сидит в сторонке и зорко следит, чтобы кто-либо из нас не ушел далеко или какой-нибудь хищник не схватил нас. Учились мы и охотиться: ловили разную мелюзгу и тут же ее с'едали. Уставши, мы возвращались в нору и сладко засыпали в мягком гнездышке.

Так проходило время, пока мы не выросли. Когда же мы стали взрослыми, мать сказала нам: «Теперь, детки, вы должны сами о себе заботиться. Мир Божий велик и, кто не ленится, с голоду не умрет. Добывайте сами себе корм. Поживите с нами до зимы, но на зиму обзаведитесь своими норами».

С этого времени я стал проводить все ночи на охоте. После одной из таких ночей жизнь моя совершенно изменилась. Дело было так. В один прекрасный летний вечер (заметьте, что на Кубани все они прекрасны) я отправился на охоту. Преследуя дичь, я отошел далеко от родной норы и очутился в большом саду. Ночь быстро прошла. Наступало утро. До норы далеко. Что делать? Где скрыться? К счастью, близ дорожки я нашел кучку сухой травы и решил провести под ней весь день, а вечером отправиться домой. Забрался я под траву и стал устраиваться ко сну; вдруг слышу, кто-то направляется по дорожке к моему убежищу. Я притих и прислушался. Шум шагов затих. Я переждал короткое время и, так как кругом опять было тихо, начал снова устраиваться. Вдруг, кто-то схватил и отбросил траву в сторону и я очутился на открытом месте. Как настоящий пластун, не теряющий присутствия духа в опасных случаях, я быстро свернулся в клубочек и ощетинил мои острые иглы. Таким образом мы защищаемся от врагов. Врагов же у нас, ежей, очень много: и волк, и лисица, и собака, и хищная птица, и даже злой человек, не понимающий, что мы приносим ему пользу и за это нас нужно беречь, а не истреблять. Вот мать-природа и вооружила нас крепкими и острыми иглами, которые защищают нас и больно колют наших врагов. Однако, сворачиваясь в клубок, я успел заметить стоящего надо мной великана. Он положил меня в шапку и принес в свой дом.

Я ждал, что он будет делать со мной. Он попробовал расправить меня. Но я напряг все мои силы и не позволил ему это сделать, а мои иглы, видно, больно укололи его, так как он несколько раз вскрикнул. Не справившись со мною, он положил меня на пол среди комнаты, а сам ушел. В комнате наступила тишина. Полежав немного, я решил узнать, где нахожусь, и осторожно расправился. Нужно было исследовать местность. Я приподнял мордочку, понюхал воздух, понюхал пол вокруг себя и начал медленно передвигаться. При малейшем шуме я прятал под себя голову и готовился дать отпор врагу. Вдруг великан опять вошел в комнату. Я уже лежал, свернувшись, угрожая ему своими иглами. Он внес ящик, настлал в него сена, прикрыл тряпкой и положил меня туда, а возле ящика положил три кусочка мяса и поставил блюдечко с молоком, сказав: «Вот тебе, брат, и дом и стол». Сам же он ушел и не возвращался до вечера.

В его отсутствие я обдумал свое положение, исследовал всю комнату и пришел к заключению, что я — пленник и нахожусь в жилище великана. Что будет дальше, поживем — увидим, но надежды на лучшее никогда терять не следует. Так как я успел проголодаться, а мясо дразнило мой аппетит, то я его прикончил и утолил жажду молоком. Настроение мое немного улучшилось. После пережитых волнений и сытого завтрака я забрался под кровать великана и крепко заснул.

Вечером возвратился великан и, увидев, что я с'ел мясо и отпил часть молока, весело сказал: «Вот и хорошо. Мой гость покушал. Но где же он? Шарик, где ты?» С этими словами он извлек меня из-под кровати и уложил меня опять в ящик, приговаривая: «О, глупенький, не бойся меня, ведь я тебя не обижаю». — «Ага», думаю: «это не Кощей бессмертный, про которого рассказывала нам бабушка, это добрый великан - человек, покровитель ежей. Ладно. Поживу у него, но при первом удобном случае дам стрекача, так как для ежа воля, лес и луг дороже всего на свете.

Поужинав, добрый великан приготовил и для меня еды и улегся спать. Когда в комнате потух свет и великан уснул, я опять принялся за поиски выхода из своей тюрьмы и, кстати, хотел узнать, не водится ли здесь какая-нибудь дичь, чтобы, охотясь, коротать скучные часы плена. Всю ночь искал я выхода и не нашел, так как великан искусно его заложил. Дичи попалось совсем мало: изловил я всего трех тараканов. С'ев мясо и выпив молоко, я, усталый, забрался в свое гнездо, вытянулся и заснул.

Утром я почувствовал, что кто-то нежно гладит мою спину. Мне показалось, что меня ласкает моя мать, и я вытянулся еще больше. Но меня разбудил голос великана: «О, мой Шарик. О, мой маленький. Набегался за ночь, теперь спишь». Я открыл глаза и увидел, что меня ласкает добрый великан. «Ладно», подумал я: «он меня ласкает, кормит и ухаживает за мной; доставлю и я ему удовольствие — не буду больше сворачиваться. Попробую приручить его, а потом может быть удастся сделать его своим слугою». Так я и сделал. Великан мой чуть не прыгал от радости и надавал мне много самых нежных имен.

Постепенно он привык ко мне и мы даже подружились. Кормил он меня вволю, да я и не брезгал ничем, так как ежи — животные, всеядные, т. е. мы едим и мясо, и хлеб, и борщ, и насекомых, и птичек, и мышей, и гадов, и фрукты — все, что Бог пошлет. Мой друг назвал меня Шарик. «Что ж», думаю: «пусть буду Шарик, если он не сумел дать мне более звучное имя», и — привык к нему.

Видит мой друг, что мне скучно в его жилище, и позволил мне выходить сперва во двор, а потом в сад и огород, зная, что я возвращусь на его зов. Эти новые места немного мне напоминали лес и луг, и я с жаром принялся за свое природное занятие — охоту, но пойманной дичи никогда не приносил домой, а с'едал ее на месте.

По виду я кажусь неповоротливым, но, извините, свою жертву я хватаю ловко и быстро. Очень люблю я охотиться на змей. Почуяв ее близость, я неслышно подкрадываюсь к ней, хватаю ее за хвост, откуда и начинаю есть ее живую: так она вкуснее. Она шипит, извивается, кидается во все стороны и хочет укусить меня. Но она не страшна мне, так как кусает мои иглы, на которых остается ее яд, а мясо ее делается оттого нежнее.

Вы не представляете себе, до чего глупы гадюки. Я ее кушаю с величайшим наслаждением, как знаток дичи. Думаю, что и она должна бы чувствовать то же. Но нет, она этого не понимает и злится. Даже похвалы мои не действуют на нее. Я ее кушаю да прихва-

ливаю: «Да и вкусная же ты; жаль, что маловата», а она нервничает. И так продолжается, пока от нее останутся кости да голова, которую я не ем. Встречали вы в лесу и на лугу скелеты гадюк? Это мои охотничьи трофеи.

Население нашего двора при виде меня приходило в ужас. Слышались отчаянные крики на разных языках: собачьем, кошачьем, курином, утином, гусином, индюшином. Собака, свернувши хвост кольцом и взъерошивши шерсть для придания себе храбрости, лаяла издали, так как я хорошо проучил ее. Как то она хотела схватить меня, но позорно бежала с исколотыми языком и мордой. С тех пор, при виде меня, она приходит в неистовство. Кошка карабкается на чердак и там умывается, притворяясь равнодушной. Куры, как слабый пол, ахают, как перед обмороком, и взлетают на плетень. Гуси вытягивают шеи, шипят, но не забывают отступать. Индюк, надувшись и распустив хвост веером, подпрыгивает на приличном от меня расстоянии. Индюшки, сбившись в кучу, вытягивают шеи и спрашивают: «Клок-клок-клок?» Когда же я пройду мимо, индюк победоносно кричит: «Бл-бл-бл!» Одна только корова смотрела на меня равнодушно, не переставая что-то жевать.

Не прошло и трех месяцев, как мой великан сделался совсем ручным и оказался прекрасным слугою. Правда, иногда я бывал излишне требователен к нему; он же не только служил мне верою и правдою, но даже терпеливо переносил мои капризы. Например, любил я спать у него на коленях или рядом с ним на его кровати. Признаюсь, храпенье мое мешало ему спать и мои иглы кололи его. Но, чтобы меня не обидеть, он укладывал меня на своей подушке, чем - нибудь отгораживаясь от меня. Пробовал он спать один. Не тут то было. Я начинал царапаться по ножке кровати и добивался своего.

Так мы прожили лето и осень. Дождались зимы. Я почувствовал себя вялым, мало ел и много спал. Великан мой испугался. думая, что я заболел. Он сильно привязался ко мне и боялся, что я умру. Но напрасны были его тревоги. Так и должно быть. Ведь ежи — зимоспящие животные т, е. мы спим в течение всей зимы. Заботливая природа так устроила, что животные, как то: ежи, барсуки, медведи, летучие мыши и др., не находящие себ пищи зимою, засыпают с осени до весны. Вот и я должен был спать всю зиму в глубокой норе, чтобы мне ничто не мешало: ни свет, ни шум, ни большой холод.

Зима тянулась очень долго. Я думаю, что ей и конца не будет. Мой слуга каждый день зажигал в печи куски дерева, брал меня к себе на колени и утешал меня: «Потерпи, Шарик. Вот скоро придет весна и будешь ты жить опять в свое удовольствие».

Наконец, пришли долгожданные теплые дни. С наступлением весны, как и полагается, я ожил и повеселел. Слуга мой копался то в саду, то в огороде. Я старался помогать ему, за что он угощал меня насекомыми, необыкновенно вкусными после зимнего сухоядения. Я поедал их очень много. Слуга, смеясь, говорил мне: «Шарик, какой ты стал прожора. Впрочем, и немудрено. Ведь ты за год из Шарика вырос в целый шар... Ешь, ешь после зимнего поста»...

Все было бы хорошо. Но я начал замечать перемену в моем слуге. Он стал беспокойным, часто задумывался и даже меня стал меньше ласкать. Иногда приходили к нему такие же великаны и они долго о чем то вместе шептались. Ничего не понял я из их разговорв, кроме отдельных непонятных мне слов: восстать... гнать... биться... всем, как один..

Я ломал голову, чтобы узнать, в чем дело. Вскоре загадка на-половину разрешилась, но только наполовину.

Был теплый тихий вечер. На небе ни облачка. Но где то близко слышались раскаты грома. Мимо нашего двора пробегали великаны, держа в руках неизвестные мне палки, производившие гром и молнию. Одни из них падали и лежали тихо. Другие бежали дальше. Мой слуга побежал вместе с ними. В отдалении послышались крики и вдруг стихли, только звучал один голос.

Вскоре, запыхавшись, прибежал мой великан, выкопал из земли какие то блестящие предметы, вытер их, один из них нацепил на себя с левой стороны, а другой держал в руке и говорит мне: «Ну, мой маленький друг, прожили мы с тобой целый год. Любил я тебя и ты меня. Сегодня нам нужно расстаться. Надолго ли, не знаю, может быть навеки. Иди себе в лес и живи на воле, а меня не поминай лихом». Он положил меня вшапку, как и при первой нашей встрече, отнес в лес и пустил на полянке. Сперва я ходил вокруг него, потом зашел в кусты и незаметно увлекся охотой. Когда я вспомнил о нем и возвратился на полянку, его уже там не было. Долго я прислушивался, не раздастся ли зов: «Шарик, где ты?» Но так и не дождался...

Не знаю, жив ли он или умер. Говорят, что он ушел за моря с такими, как и сам. Если встретите его, скажите ему, что я его не забыл, что все мы ожидаем его и вашего возвращения. И еще скажите ему, что я уже имею внуков и в теплые лунные ночи рассказываю им, как я когда-то имел доброго великана-слугу.

Когда возвратитесь на Кубань, милости прошу навестить и меня старика. Я буду очень рад еще раз видеть людей-великанов. Знаю, что вы не обидите меня, ибо вы, как вольные рыцари, уважаете чужую свободу.

Вот вам мой адрес: Абрецкая Балка, возле станицы Удобной. Идите по дорожке, не сворачивая ни вправо, ни влево, прямо к старому буку...

Ваш **Ш. Н. Еж**

Казачья эмиграция

В. К. в Польше

В ВАРШАВЕ

Мы нижеподписавшиеся, вольн. казаки, проживающие в Варшаве, просим Вас, станичник редактор, зачислить нас, как группу, в число организаций руководимого Вами ВК движения.

Глубоко верим, что в недалеком будущем вольные казаки г. Варшавы и ее окрестностей, спаянные общей идеей, смогут из немногочисленной группы создать крепкую ВК станицу.

Станичников, искренно желающих принять участие в организации ВК станицы, просим обращаться к Степану Григорьевичу **Бородину.**

Станичникам же, мечтающим о завоевании Москвы и единой-неделимой, советуем продолжать заниматься тем же и, по возможности, воздержаться от вмешательства в наше ВК дело.

Подписали: **С. Г. Бородин**, войск старш. **И. П. Рудаков,** подх. Андрей Михайлович **Романов**, подх. Григорий Иванович **Разстригин**, урядник Иосиф Николаевич **Манянин,** подх. Дмитрий **Митин,** урядник Петр **Калинин**, урядник Иван Ив. **Рябцев**, казак Михаил Филиппович **Авдеенко.**

В. К. во Франции

Милостивый Государь,
Господин Редактор.

Покорнейшие прошу Вас не откажите выразить настраницах нашего журнала мою искреннюю благодарность вольным казакам станицы имени А. М. Каледина в г. Крезо, растрогавшим меня до глубины души, по-

давши мне руку помощи в трудное для меня время.

Узнав, что я больна и нуждаюсь в лечении, а муж мой зарабатывает только на пропитание семьи, они, без всякой просьбы с моей стороны, собрали между собою 51 франк и передали мне, несмотря на то, что большая часть из них — безработные и сами нуждаются в помощи.

Моя вера, что истинные казаки всегда выручат в беде, не обманула меня. Если Бог продлит мой век, я постараюсь воспитать моих детей в истинном казачьем духе, чем надеюсь исполнить мой долг перед казачеством и отблагодарить помогших мне в беде.

Еще раз, дорогие станичники, благодарю Вас.

Слава Вольному Казачеству!

Вольная казачка ст. Граббовской ВВД: **Д. Б. Каштанова.**

18-6-1935. Крезо.

В АЛЕСЕ.

В четверг 13 июня, проездом из Парижа с ВК Круга, здесь был депутат Круга — **П. Ф. Крюков.**

В виду невозможности собрать в будний день казаков на сбор, депутат ограничился докладом о работах ВК Круга — хуторскому атаману А. П. Дьякову и частной беседой как с вольными казаками, так и с «русскими казаками».

В казачьей кантине, которую содержат два донца: Петров и Титов, нашему депутату пришлось выдержать вначале пылкий натиск «русских казаков», который, благодаря спокойному и хладнокровному тону П. Ф. Крюкова и его веским аргументам, быстро был отбит и из натиска на «врага» перешел в задушевную казачью беседу.

Часть казаков выражала сожаление об уходе из ВК И. Ф. Быкадорова, которого некоторые из них знали, как своего командира полка в германскую войну. Высказывали опасения: не будут ли вольные казаки вешать тех, кто не вступил сейчас в ряды ВК — по приходе домой, и пр.

На все вопросы П. Ф. Крюков дал исчерпывающие ответы и беседа закончилась дружеским пожеланием «счастливого пути» уезжающему домой казачьему поэту.

(Соб. кор.)

В. К. в Югославии

В СМЕДЕРЕВО.

30 июня с. г. Смедеревская вольно-казачья, имени А. И. Кулабухова, станица отпраздновала свой станичный праздник в помещении своего станичного правления. Свободные от работ казаки к 10 ч. утра поспешили в церковь на молебен, который и был благоговейно отслужен под стройное пение станичного хора, управляемого станичником Финяком. По заказу станицы священник молился о здравии Походного Атамана казаков - националистов раба Божия Игнатия, о спасении казачьего Отечества — Казакии и об успехе казаков - националистов на поле их освободительного движения.

С чувством великой веры в Бога Единого и в успех своего дела молились казаки - смедеревцы под сводами старинного храма, некогда закопанного во времена турецкого владычества самими сербами. В храме, освобожденном от преследований и насилий, молились казаки - смедеровцы в день своего станичного праздника, совпавшего с знаменательным в истории национального казачьего движения днем — днем выборов Походного Атамана. Такое совпадение отмечали сами казаки и на лицах, полных безграничной любви и преданности к своей родине, загорался огонь надежды и веры в победу над кровавыми оккупантами.

После молебна казаки собрались за трапезой в своем станичном правлении, украшенном портретами национальных казачьих героев. У входа в правление висели национальные флаги — югословенский и казачий.

По исполнении общим хором молитвы «Отче наш», станичный атаман **И. П. Сурмач** пригласил всех присутствовавших к столу.

Первый, в своей короткой речи, приветствовал станицу с праздником станичный атаман. После него станицу поздравлял с праздником от имени Окружного Атамана и всех членов Окружного Правления вр и. д. помощника Атамана Н. Ф. Букин.

В своей речи **Н. Ф. Букин** приветствовал казаков и с выборами Походного Атамана. Обращая внимание казаков на огромную важность этих выборов, он приглашал их к окончательному закреплению дисциплины и поддержанию таковой, как главного фактора, служащего гарантией успеха в борьбе за национальное освобождение. Здесь же он обратил внимание казаков и на то, что они, смедеревцы, как основоположники Округа, должны до конца служить примером и поддерживать престиж казачьего имени. И тут же было подчеркнуто значение работ Югославского Округа в национальном движении, — значение, отмеченное и самим Центром и казаками других Округов, а поэтому оратор высказал твердую веру и в то, что Югославский Округ и в дальнейшем будет тверд и непоколебим в преследовании священной цели, что в ряды сплоченного Вольного Казачества с оформленной казачьей программой, он не допустит разлагающий элемент, не допустит ни сомнительных, ни, тем более, подозрительных и своего выборного Походного Атамана, достойнейшего из достойнейших, поддержит в тяжелой работе всем, что потребуется.

— Помните, станичники, — говорит Н. Ф. Букин, — что избрав его и дав ему наказ, мы возложили на его плечи колоссальную тяжесть, трудную задачу, в разрешении которой надо сконцентрировать все казачьи силы, чтобы облегчить этот труд и ускорить час избавления нашей родины от ига 3-го интернационала. Помните, станичники, что мы очень падки до требований от тех, на кого возлагаем разрешение общей задачи. Для того, чтобы в нашем деле что-либо требовать, надо сначала что-то дать. Тот только и имеет право требовать, кто дает. От вас требуется, в первую очередь, дисциплина, основанием которой должно служить прежде всего наше внутренее сознание собственного долга перед Казачеством...

Дружно и стойко отвечали казаки: — «исполним, поддержим». Всюду при упоминании имени Походного Атамана казаки провозглашали ему «Славу».

Станичником **Д. Захаровым** была составлена, а присутствовавшими принята и послана следующая почто-телеграмма:

«Первому Походному Атаману ВК **И. А. Билому**

Смедеровская Вольно - казачья имени А. И. Кулабухова станица в день своего станичного праздника, совпавшего с днем выборов Первого Походного Атамана, которым, на нашу общую радость и счастье казачьего народа, имеете честь быть Вы, — шлем наилучшие пожелания крепости сил и здоровья Вам на Вашем тяжелом и тернистом пути.

В этот день мы, казаки Смедеровцы, клянемся своей честью казачьей оказывать Вам, по мере наших сил и разумению, должную поддержку в достижении намеченной нами цели.

Да здравствует Вольное Казачество!

Да здравствует Первый Походный Атаман И. А. Билый.

Слава Казачеству!

Станичный атаман **И. Сурмач**
За писаря **Д. Захаров**

30-6-1935 г. Смедерово.

В следующей своей речи Н. Ф. Букин провозгласил тост за молодого Короля Югославии Его Величество **Петра II** и за весь Югославянский народ.

В ответ последовало искреннее пожелание успеха казакам от представителя местной власти.

Хор отвечал национальным югословенским гимном.

Присутствовавшие гости, в своих разговорах с казаками, удивлялись вере их в успех, а так же от-

давали должное и той дисциплине, которой станица всегда отличалась.

От местной Украинской организации было получено поздравление, каковое и было оглашено станичным атаманом. Кроме того, пан **Жижиленко** приветствовал казаков в особом слове.

Хорошее слово сказал **Н. Л. Гнилозуб** о значении внутренней спайки народа в его политической борьбе.

По окончании официальной части полилась казачья песня. Выступали и дети. Так, молодой **Ступников** с успехом продекламировал стихотворение поэта И. К. Скубани: **«Казаченок».**

Молодой **Жижиленко** (украинец) с таким же успехом продекламировал Т. Шевченко: «Разрыта могила».

К станичному празднику станичница Ляхова подарила сына, о чем с радостью и возвестил своим братьям-казакам счастливый отец и пригласил всех вечером разделить с ним эту радость.

И здесь, и вечером, когда собрались все вместе, пили за здоровье народившегося казака.

Отец, полный радости, обратил внимание всех казаков на необходимость с колыбели воспитывать детей в духе казачьего национализма. Свой станичный праздник отметили смедеровцы еще и вечером, на который были приглашены семьи казаков и их знакомые.

(Соб. кор.)

В БЕЛГРАДЕ.

В воскресенье 23 июня в день годовщины трагической смерти казачьего патриота **Н. С. Рябовола** в помещении казаков - националистов состоялось заседание, на котором **П. М. Мерзликиным** был прочитан доклад на тему: «Значение смерти Рябовола в истории Казачьего Народа».

Коснувшись известной уже теперь Казачеству обстановки, в которой погиб от рук русских добровольческих офицеров лучший сын Казачества, докладчик обрисовалъ и его значение в истории казачьего национального освободительного движения. В истории этого движения Н. С. Рябовол по праву занимает первое место...

В период, когда добровольцы атаковывали казачьи парламенты, ведя борьбу с казачьим сепаратизмом; — когда казачество, стиснутое на внешнем, не менее терпело и на внутреннем фронте; — когда явно стало, что цель русских — и красных и белых одна и та же — овладеть Казачьими Землями и задавить стремление Казачества к самоопределению, — Н. С. Рябовол правильно оценил положение и правильно намечал путь избавления Казачества от преждевременной смерти: об'единить казачьи силы от берегов Черного и Азовского морей до отрогов Уральских гор, от северных границ Дона, Яика и Оренбурга до границ Грузии и берегов Каспийского моря, и под единым казачьим командованием казачьими силами спасти Казачество от нашествия русских.

Но, в то время, как на внешнем фронте, в боях с русскими красными, падали смертью храбрых и любивших безгранично Казачество рядовые борцы, на внутреннем фронте с русскими белыми проливается кровь за Свободу Казачьего Народа избранника Земли Кубанской — одного из лучших сынов Казачества, зорко следившего за биением пульса национальной борьбы за самоопределение.

Ныне, Вольное Казачество, стоя на страже казачьих интересов, в своей программе национального возрождения Казачества, идет неуклонно к Свободе путем, указанным и Н. С. Рябоволом, ибо это есть единственный путь спасения Казачества:

собирание казачьих земель в пределах своих границ, создание в них собственного независимого государства, в котором хозяевами по всем общественным и государственным вопросам жизни могут быть только казаки, — иными словами: **Вольное Казачество идет по чистому пути казачьему**, который столь ярко был выражен самим народом устами своего избранника.

После этого Окружной Атаман **П. С. Поляков** познакомил аудиторию с положением дел во внешнем мире и в среде казачьей эмиграции. Особенным вниманием среди части казаков пользуется в настоящее время здесь, в Белграде, вопрос о выборах Донского Атамана. Не менее интересны и «хлопоты» по этому вопросу русских мужиков в лице г. Кутырина, выдающего себя за донского казака. На самом деле г. Кутырин — крестьянин Тульской или Орловской губернии, но именует себя донским казаком лишь потому, что «у него из-под донского лампаса вырвана нога», как говорят некоторые им обласканные...

Г. Кутырин, как изволят они говорить, ездили даже въ Париж, были и в Берлине и, конечно, побывали у ген. Краснова, который им сказал, что положение дел такое, что не нынче - завтра Кутырин будет генералом, а в России будет царь, Краснову же предстоит много сделать на пользу России, от которой он 17 лет назад отвернулся с кислой миной...

Спустя некоторое время, читаем в «Русском Голосе» письмо ген. Краснова, где он отрицает, что Кутырин был у него: «Я, говорит, Кутырина не видел от самого Зарубежного С'езда»...

Выходит, что «казак» немного перестарался...

И чего, спрашивается, г. Кутырин, вмешались вы в казачье дело? Охота была называть себя донским казаком? Ведь им надо родиться... А на вас, как ни посмотришь, — типичный вы русачек...

После докладов казака долго еще оставались сидеть обмениваться мнениями по казачьим вопросам.

Н. Букин.

В. К. в Болгарии

КТО?... КАКОЙ?...

В номере 176 журн. «ВК», на стр. 23, правая колонка, в 18 строке, станичник М. Туроверов написал: «И атаман Казанлыкской станицы тоже начал насмехаться»...

«Громкое название, но бедное положение», говорит здешняя пословица. Такое сочетание слов просто уши режет и невольно хочется переспросить станичника Туроврова: кто?... какой?... т. е. так-ли это в действительности? нет-ли здесь ошибки?... Хотя, конечно, и естественно преположить, что ст. Туроверов просто не знает наших казанлыкских дел за дальностью расстояния.

Я житель Казанлыка и о такой станице здесь еще не слыхал. Очевидно, ст. Туроверов узнал об этом на 2-м окружном с'езде в Софии, где, выходит, г. Борисов выдавал себя за атамана. Чтобы исправить ошибку ст. Туроверова и не вводить в заблуждение других, настоящим заявляю ему и вообще уважаемым читателям, что: никакой станицы, а следовательно и атамана у нас нет. Здесь есть люди, которые лишь мечтают об атаманстве, но беда для них в том, что их не выбирают. Это просто выдумка о самовластии безвременных певцов, имя которым — М. Борисов (теперешний «оппозиционер»).

В этом вся наша казачья беда, что все мы хочем быть атаманами, но выбирать нас некому.

Бывают времена, что нужны атаманы. Такое время однажды выпало и на долю М. Борисова, когда он был избран в атаманы, но судьба изменчива и он скоро станицей был смещен с этого поста. Это потрясающе отразилось на М. Борисове и он, человек самолюбивый и властолюбивый, счел себя сильно оскорбленным и заявил, что: «Я (Борисов) эти выборы, а следовательно и вновь избранное правление не признаю и станичную канцелярию (печать, устав и др.) не сдам»...

Таким образом наступило у нас «смутное время»... Навис туман над городом Казанлыком. Жила станица без атамана, а атаман без станицы.

Так проходят целых три года «междуцарствия» и, наконец, после трех летнего периода времени и долгих атаманских хождений по политическим партиям (от Миллера до Кирилла, от Кирилла до Краснова и

т. д.) старый атаман кликнул уже новый клич: «вольные казаки, ко мне!»

Действительно, казаки в числе 3-4 человек, по тем или другим причинам, но попали в руки отставному атаману, который успел их расписать личным распоряжением:

Я — атаман, ты — помощник, вы — секретарь, он — почетный старик. Станица готова и вся власть сосредоточена в руках самоуправления.

А когда же у вас были выборы? Где ваши члены станицы? спросил я однажды М. Борисова. «А!... а!... выборы!... мы без выборов, а члены — это неважно... был-бы центр»... «С уставом у нас дело обстоит еще легче (восклицает М. Борисов), устав у нас есть еще от старой станицы, но только заголовок там другой, т. е. «руско-культурно-просветительное дружество», но мы его зачеркнем, а сверху напишем: «Вольное Казачество»!...

Надеюсь, уважаемый читатель и сам сделает должный вывод о таком легком способе образования Казанлыкской станицы.

Какое самохвальство, а еще больше — нахальство. Просто, когда читаешь, то удивляешься его уму разуму и способностям...

Но этот человек все же пользуется именем атамана и даже попадает в помощники председателя 2-го окр. с'езда в Софии... Неужели М. Борисов не думает о том, что: атаманы у казаков избираются, а не присваивают себе этого имени, как это сделал он. Знает-ли М. Борисов, что числа его членов станицы едва ли хватит на пол куреня, а не на станицу. Я думаю, что знает, почему он и прикрылся «алгебрическим способом», взяв своих членов (3-4 чел.) в квадрат или даже в куб, поехал на 2-й с'езд в Софию, где и выступал как «атаман Казанлыкской станицы»...

Я уважаю старость М. Борисова и его седину, но, видя его самохвальство, я должен отдать ему должное и сказать, что все это, брат мой, не по казачьи. Так не делают вольные казаки.

Такие-ли нам нужны атаманы, как атаман Казанлыкской станицы? — Нет! Это атаман самохвал и место таким не в ВК и даже не у оппозиции, а за оппозицией, ближе к Кириллу, откуда он и пришел.

И. Уколов

1-7-35.

Единственному и независимому

Редактору А. Т. Ж.

Открытое письмо.

Вы послали мне газету «Единство и Независимость». Сперва ном. 1, а вот сейчас и ном. 2. В письме же своем ко мне Вы пишите:

«Я хотел бы очень узнать твое личное мнение о нашей газете, о ее недостатках и прочее...»

Прочитал я Ваш первый номер. Думаю: ну, что-ж, дело хорошее: в. казачья печать растет. Значит, вызывается потребностью. Значит, увеличивается число читающих. Но, отзыва своего Вам не послал. Потому что научился осторожности. Первая ласточка весны не делает. По первому номеру судить — вещь рискованная: для об'ективного суждения материала не хватало. Вот и ожидал второй номер. Тем более, что Вы сами признали, что «в этом деле» («Единство и Независимость») Вы являетесь «главным застрельщиком, вдохновителем, собирателем средств, редактором и даже — экспедитором».

Прочитав первый номер, подумал: хорошо это, что Вы главный и единственный... все-же читателей больше, чем писателей.

Но, ошибся: из второго номера вижу, что писателей оказывается больше, чем читателей. И вижу, что это еще **хорошее:** жизнь-то эмигрантская и без Вашей газеты горька и полна всякой гадости. К чему-же огорчать несчастных читателей и чтением Вашей газеты!...

Боже мой, какая хорошая бумага! И как она, бедная много терпит!...

Ну зачем Вы, Алексей Тимофеевич, писать в газетах вздумали? Да еще под собственной редакцией!.. Выругаться публично захотелось? Ведь если перечеркнуть Ваши «выражения», то от всей Вашей статьи — белое место осталось-бы.

Вы жалеете очень, что я не с Вами. И я жалею очень, что я не с Вами. Ибо, если бы я был с Вами, я Вас, может быть, усовестил бы не писать гадостей.

Или, если-бы Вам уж очень хотелось писануть, Ш. Балинова попросили-бы проредактировать Вашу статью. Он обещал в свое время ни в какие альянсы «с мастерами ругани и пошлости» не входить...

Вы (и иже с Вами) спрашиваете («ломаете голову»): «как это ты (я) можешь своими трудами, своими прекрасными литературными вещами питать и поддерживать»... Дальше — много слов... Коротко — Билого?..

А я Вас спрашиваю:

Как это Вы своими гнусными пасквилями втаптываете в грязь самую идею ВК?

Ведь если мои «вещи» действительно «прекрасные литратурные вещи», они достигают цели сами собою. Без Билого. Билый тут только для того, чтобы эти «прекрасные литературные вещи» не были искажены, как это делал «редактор» «Куб. Казачества»... Чтобы эти «прекрасные литературные вещи» не остались в моем столе. А говоря откровенно, без Билого их не было бы и в моем столе...

Ибо быть «главным застрельщиком, вдохновителем, собирателем средств, редактором и даже экспедитором» я не могу. Не дал Бог мне столько талантов.

Вы можете сказать, что Вы втаптываете в грязь не идею, а только Билого. Но ведь Билый редактор «ВК» не только сейчас, когда и Вы «редактором» заделались. Было, как было, но история имя Билого тесно свяжет с успехом В. К. движения в эмиграции. А разбираясь в трагических днях современной эпохи, тесно свяжет его имя с тем же движением, вернее с началом ВК движения, на Кубани.

Ведь если кумир поверженный — все-же Бог, то человек, наш казак, несущий на своих плечах всю тяжесть ВК работы в эмигрантских условиях и всю ответственность за чистоту ВК мысли, как она фиксируется на страницах журнала «ВК», по моему, не заслуживает таких эпитетов, какими Вы его честите в своей газете. Даже если у Вас с ним личные отношения такие, какие разрешаются только в судебном порядке.

Ведь этим Вы публично признаете, что не только не уважаете фактического шефа ВК движения, «своего коллегу - редактора», но не уважаете и тех, кого Билый отыскал и кому дал возможность внести свою посильную лепту в дело пробуждения казачьего национальнаго самосознания. Не уважаете и самого себя, примкнувшего к ВК движению под влиянием журнала редактируемого Билым.

Что Вы такого страшного открыли в Билом?... Некоторый намек на какую-то агентуру и на какой то дом с рестораном?...

В другом месте Вы пишете, что «Билый не заинтересован в дальнейшем развитии ВК движения»... а значит, и в развитии своего дома и ресторана...

Какая чушь! Но, полбеды было бы, если бы все это было только чушь, неуменье письменно из'ясняться. Но ведь Вы прекрасно и сами знаете, что никакого дома, никакого ресторана нет. Зачем же Вы об этом пишете?

Найдите мне во всех передовых статьях г. Билого на протяжении всех 175 номеров «ВК» (или в другом

каком месте) хоть один намек, где он проповедует подчинение ВК кому бы то ни было другому, кроме воли самого В. Казачества.

Ни в Вашей газете, ни в «Казакии», ни в письмах ко мне б. сотрудников г. Билого я не нашел ни одного места, где бы они, эти бывшие сотрудники, оспаривали правильность национально - политической линии, которую он ведет не от 10 декабря 1927 г., **не после** ознакомления с журналом «ВК», как многие из нас, но от того дня, когда Кубань, у себя дома, приступила к организации своей ни от кого не зависящей, государственной жизни.

Какое же проклятие тяготеет над нами! По какому то злому предопределению мы умеем ценить **только мертвых и — никогда живых.**

Из мертвых Рябовола и Кулабухова культ себе сотворили, а живым Рябоволу и Кулабухову «помогли» — первому получить в голову пулю, а второму — надеть веревку на шею...

Как член Краевой и Законодательной Рад я хорошо знал покойного Н. С. Рябовола, а с Алексеем Ивановичем нас связывала давнишняя дружба. Я знаю, как иногда они беспомощно озирались по сторонам, ища себе политических соратников, дорослих до того, чтобы вести свой народ на борьбу с красными и белыми захватчиками. Ибо соратников этих было немного. А среди этих немногих был Игнат Архипович Билый.

Вот почему, как только в мою глушь докатились первые номера «ВК» (а докатил их ко мне М. К. С. — тогдашний страстный пропагандист ВК идеи), я поспешил связаться с г. Билым и обещал ему помогать по мере своих скромных сил в его святом деле — возобновлении и продолжении борьбы, в которой погибли Рябовол и Кулабухов.

Делаю это и по сей день, а если почему либо и перестану, то г. Билый не сделается от этого ни хуже, ни лучше, чем он есть сейчас.

Я не защищаю Билого. Не оправдываю. Защищать не от кого, а оправдывать не в чем. Да он и сам мог бы это сделать лучше, чем я.

Но мне больно за казачье имя. Больно, что мы уж слишком легко бросаем грязью в своих политических деятелей. Больно, что наша ядовитая, ни на чем серьезном не основанная ругань — злорадный смех для наших врагов...

А о Вашей газете закончу словами г. Балинова, которые несравненно больше к лицу «Единству и Независимости», чем к «ВК»:

«Что это? Печатный орган политического движения, или конкурс пошлости и ругани, организованный каким нибудь сумасбродным миллионером?»

С одной поправкой: не нужно быть для этого обязательно миллионером.

Не подводя под один ранг всех давших свой материал в «Единство и Независимость», горячо прошу всех вольных казаков перестать с руганью и похабщиной, которые унижают не столько того, по чьему адресу они направлены, сколько их авторов... А вместе с одним и другим — и все Вольное Казачество.

Тем же из оппозиции, с кем я работал, с кем вместе радовался успеху ВК движения и огорчался его неуспехами, кому дорога идея в. казаков, предлагаю:

Поговорим серьезно. Прочистим атмосферу. Скажем одни другим только то, что относится на успех или неуспех подготовительной борьбы за свой порог и угол.

Мы должны договориться. Обязаны договориться.

Слава погибшим борцам за казачьи идеалы!

Да здравствуют живые борцы за ВК идеалы!

Вл. К.

Злостью ослепленные

В одном из номеров журнала «ВК» редактор его высказал мысль, что казаки, принявшие иностранное подданство, могут нам помогать, но не могут стоять во главе нашего движения.

Просто и ясно. А мы, казаки, представляем себе это так: руководитель ВК движения И. А. Билый*) живет во Франции, но он не француз. Он — эмигрант и бесподданный. Франция дружит с сов. Россией. Возможно, что французское и советское правительства найдут, что деятельность Билого им вредна. Что же делает французское (или другое какое либо) правительство по отношению пришельца, действующего во вред его государству? Оно говорит такому «вредителю»: позвольте вам выйти вон...

И. А. Билый собирает свои пожитки и уходит в другую страну, но продолжает вести дело ВК по намеченной линии.

Теперь допустим, что во главе движения стоит центр, состоящий из бывших казаков, принявших подданство того или иного государства. Допустим, далее, что это последнее государство тоже дружит с сов. Россией. Может легко случиться, что и здесь деятельность такого центра признают не отвечающей интересам этого государства. Что же сделает правительство по отношению своих подданных, действующих во вред своему государству? Оно посчитает их государственными преступниками и засадит их в тюрьму или и еще куда.

Возможно также, что лица, стоящие в центре, из-за понятного нежелания вредить своему новому отечеству, постараются изменить линию направления движения в сторону, выгодную для своего государства, но не выгодную для казаков. Словом, не говоря уже о других, и по этим причинам во главе нашего движения не может стоять действительный иностранец...

*) Эта статья писана до выхода в свет № 177 «ВК».

Но, что просто и ясно для казаков, то не так просто для полк. А. Жукова. В газете «Единство и Независимость» № 2 помещена его обширная статья («Как аукнется, так и откликнется»), направленная против И. Билого. Я остановлюсь на той части этой статьи, где автор ее пишет о принявших чужое подданство. Начинает он с утверждения, что таковых не много и факт этот сам по себе не страшен. Но что значит: не много? В интересах истины это место надо бы было пояснить, а г. Жуков как раз тут и допустил умолчание. С какой целью? — Естественно предположение, что дело здесь не совсем чистое. Скажем, положим, что иностранно подданных всего 5 человек. Цифра, без отношения к чему либо, не большая. Но если эти 5 человек входят в состав центра или играют руководящую роль в движении, то это уже не немного, а очень много...

Что принятие чужого подданства вынуждается часто поисками куска хлеба и что принявшие таковое все же остаются душою и телом казаками, это так доступно пониманию каждого, что казалось бы г. Жукову и не было бы надобности делать пояснения.

Дальше г. Жуков сворачивает в сторону И. Билого и, к общей нашей неожиданности, причисляет и его к лику иностранцев. Он заверяет, что И. Билый живет по украинскому паспорту.

Что за украинский паспорт? По сколько я знаю, мы все живем или по нансеновским паспортам или по иным каким документам, выданным правительством того государства, в котором мы живем.*) Следовательно, и И. Билый, как и все мы, эмигрант и, как все мы, бесподданный.

*) **От ред.** Никаких украинских паспортов нет, никто их не признает и жить по ним, поэтому, нельзя. Сами украинцы, как и все другие эмигранты, живут тоже не по украинским паспортам, а по нансеновским, по карт д'идантите и проч.

Я не знаю г. Жукова, но считаю его человеком нормальным, поэтому я не могу допустить, чтобы он не знал, какая громадная разница между «иностранцами» типа И. Билого, к каковым принадлежим все мы, и теми, как заявляет сам г. Жуков, немногими бывшими казаками, которые живут теперь в своем новом отечестве по паспортам своего правительства и считаются не бесподданными, а подданными...

Я не могу допустить, чтобы такую ложь г. Жуков совершил сознательно, с целью ввести в заблуждение казачью массу и настроить ее против И. Билого. Я недопускаю этого потому, что, как я сказал выше, считаю г. Жукова за человека нормального, а мне кажется немыслимым, чтобы нормальный человек мог предположить, что казаки так глупы и наивны, что могут поверить каждому вздору, им преподнесенному.

Остается одно правдивое предположение, что в момент «творчества» своей статьи г. полковник был в состоянии невменяемости и в порыве ослепления злостью не отдавал себе отчета в своих действиях. И если теперь ему немного стыдно за сделанное, — то хвала ему!

В том же номере той же газеты проявил себя и другой злостью ослепленный — это г. Овсяник.

В статье «Зачем Вам Круг» он пытается послать по адресу И. А. Билого отравленные ненавистью стрелы.

Я тоже присутствовал на сходе станицы Берлинской, на котором И. А. Билый давал нам информацию и тоже могу подтвердить, что И. Билый действительно задал вопрос: «что вы ожидаете от Круга»? Но я не вижу причин, почему бы руководителю или скажем просто редактору «ВК» и не задать такого вопроса в. казакам, с целью выяснить желания или требования массы. Или г. Овсяник полагает, что редакторы не должны задавать никому никаких вопросов? Они, как боги, должны сами наперед знать, чего хотят люди! Ведь получив ответ хор. Бабича, не стал же И. Билый убеждать нас в ненужности созыва Круга. Почему г. Овсяник волнуется сейчас по поводу этого вопроса, для меня непонятно (и почему совсем не волновался тогда?). И зачем Вы, г. Овсяник, допускаете неправду? Ведь И. Билый не старался нас убедить, что созвать Круг невозможно. Он только указал на затруднения, встречаемые на пути его созыва. Он указал также, что если даже преодолеть затруднения по получению виз, по изысканию денег, то и тогда не все закончено. Трудно установить время созыва Круга. Одни делегаты располагают временем летом, другие зимою, а некоторые вообще не располагают временем, исключая праздников (Пасхи, Рождества), но дни пасхальных или рождественских праздников не достаточны для делегатов отдаленных стран.

Очевидно, что г. Овсяник слишком ослеплен злостью, раз такое простое и правдивое об'яснение ставит И. Билому в вину. (Повторяю: тогда г. Овсяник не обвинял Билого ни в чем).

Уж очень сильное есть желание у г. Овсяника лягнуть И. Билого, о чем свидетельствует также и следующий факт:

В номере 172 «ВК» И. А. Билый пишет: «К настоящему времени Округ (германский) уже развалился, а Берлинская станица фактически тоже не может уже собрать станичного сбора больше, чем из 3 человек»...

Как член Берлинской станицы, должен заявить, что это сущая правда, против которой ничего нельзя возразить. Казалось бы, и г. Овсянику надо бы молча проглотить эту горькую пилюлю и утереться. Но нет. Г. Овсяник обязательно должен лягнуть копытом и потому в своем бюллетене № 1 в статье «По поводу одной информации», он пишет буквально следующее: «В журнале «ВК» № 172 г. Билый повествует о том, что вольно казачий округ в Германии уже развалился и, вероятно радуясь развалу в. каз. сил, он пишет, что у г. Овсяника в Округе 3 человека».

Зачем позволяет себе г. Овсяник такое явное извращение фактов? — Несомненно затем, чтобы обдать И. Билого грязью, не стесняясь в выборе средств.

А грязи льется не мало. Кто то упрекает И. Билого, что он якобы приобрел дорогую дачу. Кто то из журнала «Казакия» добрался даже до жены Билого, упрекая ее в том, что она не изучила языка своего мужа. Несчастная, она и не знает, что от этого зависит успех ВК движения...

Казаки, женатые на француженках, немках, сербках, чешках, болгарках, гречанках, англичанках, американках и пр. и пр., — учите своих жен вашему языку, иначе... Впрочем, это «иначе» услышите из других уст.

К вам, в частности, донцы из Руте: станичники Пономарев и Копатков, мое слово: передайте от меня вашим симпатичным женам привет и совет скорее изучить язык своих мужей, ибо неведом час и день, когда писаки из «Казакии» доберутся и до них.

Кто то шлет И. Билому упрек за то, что прислуга Билого называет его не так, как желал бы пославший упрек. Не достает еще безумца, который добрался бы и до ночного горшка в квартире Билого...

Грязь... Очень много грязи. И все это делается с исключительной целью очернить И. Билого и доказать его неспособность быть руководителем ВК движения.

Нам, до этого времени молчавшим (а я один из тех, кто признавал решения Ганноверского с'езда об образовании здесь Округа и, как человек дисциплинированный, был вначале на стороне г. Овсяника), хочется кричать: уймитесь вы, злостью ослепленные, имейте же хоть капельку стыда! Вы ведь хвалитесь, что в ваших рядах вся интеллигенция, все доктора, инженеры, архитекторы... Если вы способны только на грязь, на разрушение, то может быть для Казачества и хорошо, что все вы, господа доктора, инженеры и архитекторы, попринимали подданства — такие вы нам не нужны. Нам, казакам, нужна интеллигенция, ой — как нужна, но нужна интеллигенция чистая и честная, преданная Казачеству, умеющая служить ему и быть для простых казаков примером хорошим, а не дурным. Вы же, если хотите считаться с нашим голосом, можете сделать только одно для нас хорошее дело:

Не пичкайте нас больше своей грязной литературой. Так будет лучше для нас и для вас — тем более, что результаты вашей работы уже сейчас обратные тем, каких вы хотели, когда нам свою литературу посылали.

А. Петренко (Германия)

ИНОСТРАНЦЫ О КАЗАКАХ И КАЗАЧКАХ

Весною этого года корреспондентка венского журнала «Нейес Винер Журналь» г-жа Кмох была в сов. России и посетила, между прочим, и Кубань. В одном из своих очерков, посвященных Казакам и Крыму, она рассказывает, что только немногие из казаков служат в красной армии, большинство же занимается сельским хозяйством.

Интересен отзыв о казачках: венская журналистка говорит, что в казачьих станицах ей пришлось встретить очень много красивых женщин.

Что касается молодежи, то, по ее мнению, новое поколение имеет довольно слабое представление о прежней жизни и только старики казаки рассказывают иногда с интресом слушающим их детям о прошлом...

— Поведать молодому казачьему поколению правду о казачьем прошлом и вообще спасти казачью молодежь от денационализации — ляжет на плечи молодой казачьей литературы.

Imp. «Coopérative Etoile» 17, rue de la Comète, Paris - VIIe La Gérante: A. Laizé.

Все сплотимся около ВК!

Многоуважаемый станичник редактор!

Хотя вы и не любите какие либо балачки с оппозицией переносить на страницы журнала «ВК», но моя покорнейшая просьба поместить это мое маленькое писание просто, как желание поговорить с братьями казаками своей рядовой среды — попросить исправить мои ошибки, заполнить пробелы и до чего либо договориться.

От начала января с. г. раз'езжал я в поисках работы. Исколесил всю Польшу вдоль и поперек и, наконец, временно остановился в Варшаве. Перед этим заглянул к оставленной семье. Спешил скорее добраться домой, дабы «проглотить» журналы «ВК», которых больше полугода не читал. Дома получил неожиданную радость, когда жена к журналам «ВК» добавляет новый, вольно-казачьей ориентации журнал «Казакия». Хотелось бы охватить сразу все экземпляры. Начинаю... читаю... Углубляюсь и начинаю теряться... Ничего не понимаю... Дохожу до «Казакии». О, ужас! нет чего читать. Ругня, дрязги. Для пополнения ясности эффекта, только остается выйти в ряд торговок кумушек — полное сравнение. Как измельчало Казачество! Интриги оппозиции... Сколько уже есть среди казачьей эмиграции течений, направлений, группировок! Если бы захотелось пересчитать на пальцах, то, вероятно, пришлось бы разуться и тогда, кажется, не хватило бы пальцев.

Разберем, примерно, «Вольное Казачество» и «Казакию». Оба журнала вольно - казачьей ориентации, одинаковой программы, стремлений... В чем же дело? Почему и на какой почве создалась оппозиция? В чем суть расхождения? Личные счеты? Мания возглавления? Упреки в каких то субсидиях, в связи с большевиками... Удивительно, что и казаки способны на дрязги и непостоянство убеждениии взглядов. А присмотреться и прислушаться вокруг — неприятель от удовольствия потирает руки. Доволен, смеется... Ведь не так давно «ВК» и возглавители теперешней «Казакии» было одно целое и, казалось, нераздельное. Но вот — бух оппозиция... И, конечно, личные счеты. Печально, что личные счеты у нас — выше служения идее; что перенося споры на страницы журналов, они нудят и разочаровывают читателя.

Как отнеслась к этому рядовая казачья масса? Остолбенела от неожиданности, не может ничего понять и не может разобраться в обстановке. Отпадает охота читать перебранки и теряется вера в возглавителей... Рядовая казачья масса ждет, кто перекричит, но, не дождав конца перебранки, может махнуть на всех и на все рукой и по одиночке, рассыпавшись, отойдет. При первом же нужном случае используют неорганизованную рядовую казачью массу чужие проходимцы для личных корыстных целей. Позднее будут писать заметки, что мы не разобрались, политически неграмотны, поддаемся влиянию чужих. Справедливо ли будет бросаемое обвинение? А где же свои казаки беспристрастные, преданные служению чисто вольно-казачьей идее?

Начинают всегда хорошо, чисто, искренно, безупречно, конец — печальный.

Можем ли мы тогда винить старшину и бросать ей упрек за служение чужой идее и тяге в чужие лагеря? Когда под-старшина, середняки и кое кто из рядовой массы, взобравшись немного на верх, начинают также интриговать, стараются наложить свою лапу на других, заглядывают все выше и выше и уже перестают прислушиваться к голосу большинства рядовой массы. К чему все эти затеи? Не достаточно ли дурить головы другим? Не достаточно ли интриг, дроблений? Не пора ли присмотреться к другим народам и научиться единству, спайке, любви, уважению и преданности идее. Неужели не достаточный повод к об'единению идея ВК, вольно-казачье знамя?

15 лет эмиграции ничему нас не научили, а ведь опытов было много. 15 лет «без пардону» терзают нас интриги. 15 лет выживают из нас уже последние соки.

Что сделала и приобрела для себя рядовая казачья масса за время эмиграции? Ничего.

Что сделала и приобрела для себя казачья старшина и разные возглавители?

Для поправления своего материального положения обкладывала взносами под благовидными предлогами доверчивую казачью массу и, использовав ее, скрывалась. Реализовала вывезенные казачьи богатства и приобрела средства к беспечному существованию, пооткрыли фабрики, заводы, банки и предприятия. Мы же тянем лямку, сталкиваемся с безработицей, голодухой... Подвернется какой либо суб'ект и под благовидным предлогом начинает использовывать нас дальше...

Неужели мы сами ничего не можем сделать и предпринять для своего благополучия и улучшения быта, дабы не остаться завтра без куска хлеба и не быть выброшенными на улицу?

Ведь нас большинство, в нас сила, в единении сила. Если бы мы так не перескакивали в оппозицию, а создав одно течение, твердо держались одного, не давали выскочкам возможности воспользоваться доверчивостью казачьей массы и создавать себе материальное благополучие, то не страдали бы мы теперь так от кризиса, а следовательно и морально сохранились бы и были бы лучше готовы к возрождению родины. Раздробленностью мы ничего не можем предпринять и приобрести. С дробями никто не считается и не хочет идти навстречу. Всякие писания оппозиции есть развращение казачьей массы, травля руководителей ВК. Сгруппировавшись около одного ВК течения, оказывая ему всяческую поддержку, можно дать возможность возглавлению лучше пристроить казаков и в материальном отношении.

Ведь еще недавно теперешние оппозиционеры распинались перед нами, проповедуя об'единение вокруг «ВК». Восхваляли И. А. Билого, как энергичного казака, преданного вольно-казачьей идее. За 6 лет совместной с ним работы теперешние оппозиционеры не замечали никаких недостатков И. А. Билого, а теперь вдруг сколько их появилось: «связь с большевиками», «диктаторские замашки» и пр., и пр...

Меня наверняка г. г. оппозиционеры обвинят в лизании пяток И. А. Билому. В оправдание поясню им: не лижу, а служу той идее, служению коей и он себя посвятил. Нельзя других судить по себе. Вы выдаете сами себя и признаетесь в том, что это вы служили именно личности.

Заслуги редактора «ВК» перед Казачеством огромны. Это он первый провозгласил верный казачий путь; это он рассказал Казачеству его трагедию, это он обличал деятельность наших Войсковых Атаманов; это он учит нас, что нам делать в будущем; это он зовет к созданию самостоятельного казачьего государства Казакии.

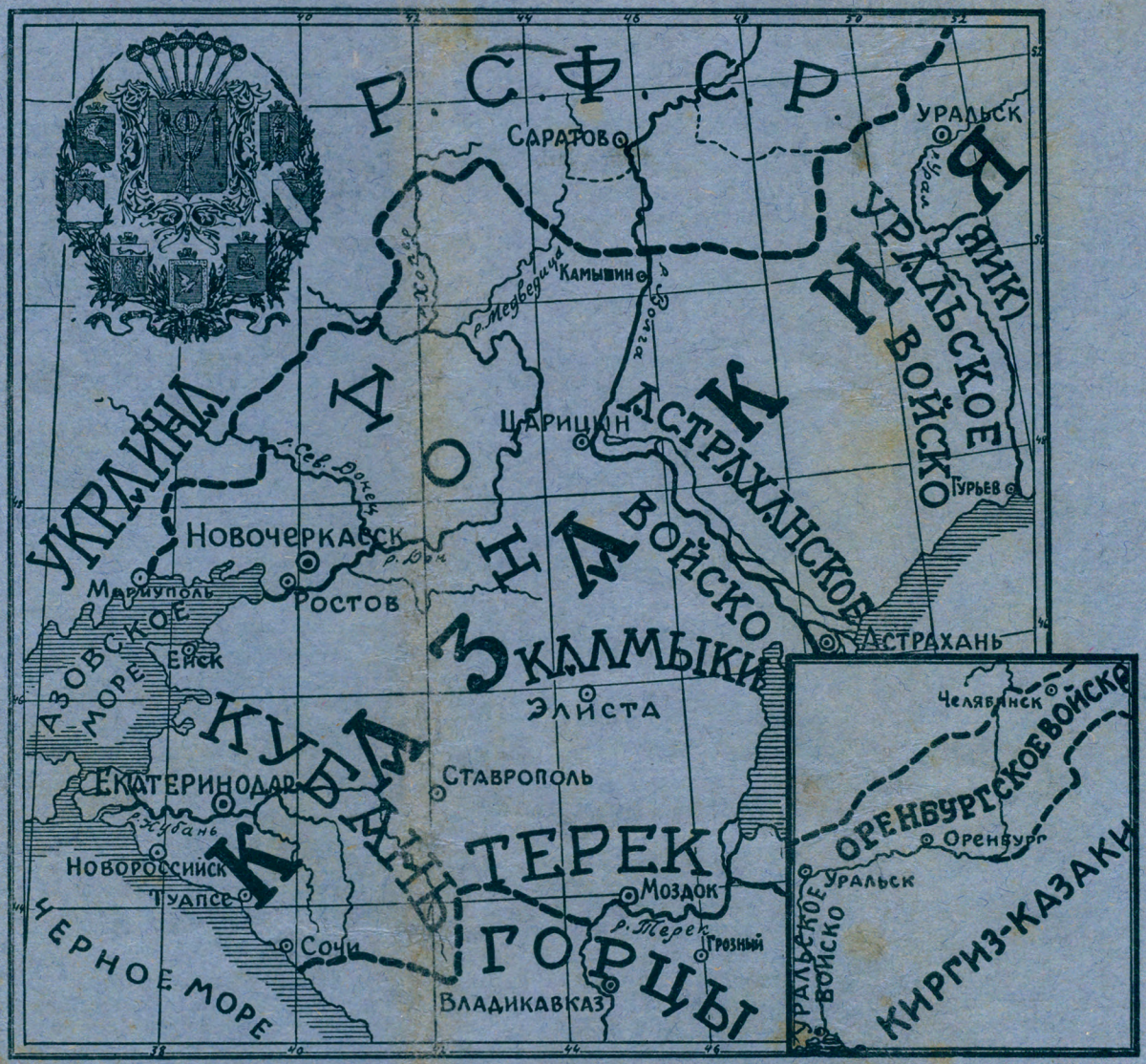
Докажите, г.г. оппозиционеры, на что вы способны. До настоящего времени вся ваша работа была — разрушать с трудом созданные станицы, хутора, курени. В своем печатном органе помещаете столько ругани и грязи, что вам и самим порой бывает вероятно стыдно, вот почему и просите не показывать вашей литературы другим.

Все это для нас неубедительно и мы, большинство, рядовая казачья масса, ответим на все проявления оппозиции тесной и сильной сплоченностью вокруг настоящего Вольного Казачества.

Да процветает и ширится Вольное Казачество!

Рядовой казак **Д. Уваров.**

Польша, 22-6-1935.

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: M. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)